Проф. М. М. РУБИНШТЕЙН

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ КУЛЬТУРЫ

МОСКОВСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

Московское Акционерное Издательское Общество

Москва, М. Дмитровка, 8. ◻ Ленинград, ул. Жуковского, 12.

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ ПО УСТРОЙСТВУ ШКОЛЬНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Р. КОНЬКОВ и Я. ЛЕПИЛИН.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Цена 1 руб.

И. УСТИНОВ и Р. КОНЬКОВ.

1-е МАЯ В ШКОЛЕ

Допущено Научно-Педагогической Секцией ГУС'а.

Цена 1 руб.

В. ПОЛЯКОВ и Вс. МУРЗАЕВ.

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ В ШКОЛЕ

Допущено Научно-Педагогической Секцией ГУС'а.

Цена 1 руб.

Р. КОНЬКОВ и Я. ЛЕПИЛИН.

Ленинский день в школе

Цена 1 р. 50 к.

В. Г. ПОЛЯКОВ.

ЛЮБИМЫЕ ИГРЫ ДЕТЕЙ

Допущено Научно-Педагогической Секцией ГУС'а.

Цена 70 коп.

А. ЛЕБЕДЕВ и Н. ПАШКОВ.

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

Допущено Научно-Педагогической Секцией ГУС'а.

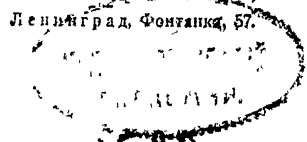
Цена 90 коп.

Проф. М. М. РУБИНШТЕЙН

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ КУЛЬТУРЫ

МОСКОВСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

□ □ □ ТИПОГРАФИЯ □ □ □
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
имени Володарского,
Ленинград, Фонтанка, 57.



1580
26

Ленинградский Гублит № 8247.

Заказ № 4281. Тираж 3.000 — 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
1. Половой фактор и его роль в культуре	11
2. К психологии полового чувства	25
3. К психологии разврата	33
4. Задачи и принципы полового воспитания	41
5. Проблема воздержания	50
6. О некоторых источниках ранней распущенности и возможности их устранения	55
7. Половое просвещение, его формы и границы	67
8. Действительный смысл детских вопросов и его следствие	79
9. Просвещение в пору отрочества и юности	91
10. О половом воспитании девочек	105
11. Проблема сублимации и ее пути	110
12. Воздействие социально-объективной среды	119

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Поводом и основой для данной работы явилась моя статья на ту же тему в сборнике „Половое воспитание“, 1925, изд. Брокгауз. Там я не мог осветить целый ряд сторон, как и некоторые темы, трактовавшиеся другими авторами. В данной работе я делаю попытку более полно охватить весь вопрос.

Проф. *М. М. Рубинштейн.*

Москва.
Сентябрь, 1925 г.

Кто следит за прессой, за биением пульса современной жизни, мимо того, конечно, не проходят незамеченными страстные споры в лекциях, в печати, в жизни о половом вопросе и воспитании нашей молодежи. Дело здесь не в соблазнительности таких скользких вопросов, в том, что от правильного решения этого вопроса зависит то, чем станут эти новые люди, каковы будут их силы и какое поколение они смогут дать дальше сами. Когда вся жизнь взбаламутилась в грандиозном революционном масштабе, как в наше время, эта интимная область человеческой жизни также не могла остаться нетронутой, во власти традиции. Более того, именно здесь легче всего было раскрыться коренной ломке. И она, в массе молодежи, без сомнения, прошла и проходит очень бурно.

Но, конечно, это проблема не только сегодняшнего дня. Это заношенный веками, избитый вопрос, и тем не менее всякий мыслящий человек, который подходит к нему, не может не испытывать чувства огромной ответственности: предмет стар, труден и спорен, а следствия его определенного решения тотчас напрашиваются на проведение их в жизнь и приобретают исключительно ответственный характер со всех точек зрения, — и с точки зрения отдельного лица, и с точки зрения социальной. В сущности, в коренном вопросе воспитания мы оказываемся бессильными, и до сих пор продолжаем по-

давать чрезвычайно неопределенные или в большей или меньшей мере спорные советы. Голод и половой голод и связанные с ними потребности и их удовлетворение, это — коренные проблемы в жизни и в вырастании человека. В отношении первого фактора, поскольку речь идет о нормальном питании, мы обращаемся к врачу и, худо или хорошо, находим при желании помощь и нужные указания; в отношении второго явления, мы — надо прямо сказать — довольно-таки беспомощны, подавая советы или непроводимые, или вредные, или же запоздалые, подающие вместо предупреждения большой соблазн к пробуждению преждевременных половых ощущений и позывов, нередко заканчивающихся вступлением далеко еще не созревших молодых людей в половую жизнь.

Нет никакого сомнения, что все это не было бы таким повседневным явлением, если бы мы лучше знали то явление, которое мы трактуем, и действие рекомендуемых нами средств и путей. В проблеме полового воспитания нам совершенно необходимо отдать себе ясный отчет в том, что перед нами удивительно мощная сила большой творческой способности в положительном случае и не менее мощный разрушительный фактор в отрицательном случае. Все это должно особенно ярко встать в нашем сознании в нашу критическую эпоху, когда нам больше, чем когда-либо, нужны сильные и здоровые люди, напоенные живым стремлением к борьбе и созиданию. Таким представлением о значении здорового полового воспитания живем не только мы, но и другие близкие и далекие нам времена. Еще Ст. Холл писал в своем огромном труде об „Юности“, что воспитанию здорового полового фактора, воспитанию здорового деторождения присуще настолько важное значение, что он готов возвести его вообще в кри-

терий всей педагогии. „В некоторых пунктах“, — говорит он, — „сознание и теория ниже высшего бессознательного инстинкта, являющегося главным регулятором всего, что имеет отношение к продолжению жизни. Воспитание достигает своего кульминационного пункта в подготовке к выполнению этой функции. Это высший критерий“. Мы знаем, в истории философии и культуры были попытки, — и далеко не единичные, — возвести половой принцип в метафизический принцип, а половой акт в акт метафизического значения. Для нас здесь это, конечно, только характерная частность.

Огромный недочет, с точки зрения педагогики коренной недочет, заключается в том, что анатомия и физиология половой сферы все еще выступают перед нами как все знание о половой жизни, и в итоге попадает в тень то, что как раз должно было бы быть на полном свету. Мы надеемся дальше подробно отметить природу полового влечения и чувства, а пока заметим только, что для нас, особенно людей современной культуры, здесь звучат не только биологические и медицинские мотивы, но для нас едва ли не больше или, по меньшей мере, с такой же силой выдвигается культурная и социально-психологическая сторона. Поэтому, как ни ценен голос врача, нужно прислушаться к голосу педагога, психолога, культуроведа и т. д., и только тогда мы можем попытаться охватить всю ширь данного вопроса, следствия которого дают себя чувствовать во всей широте социальной и индивидуальной жизни человека. Это тем более правильно, что именно полнота и широта жизненных следствий создала из половой жизни проблему первостепенной педагогической важности. Вполне естественно, что при решении вопроса о половом воспитании необходимо тщательно принять во внимание не только строение и функции

полового аппарата, но и все то, что связано с ними, является их следствием и, вместе с тем, и причиной, что в свою очередь формующей половую жизнь и влияющей на нее.

С этой именно стороны мы и попытаемся подойти к вопросу о половом воспитании. Такой подход тем более важен и нужен, что описание системы и функций в области половой сферы само по себе еще ничего не говорит, что делать с ними воспитателям. Не надо забывать, что обычные общепринятые сравнения половой потребности с голодом и потребностью в пище страдают большой неточностью; отсутствие пищи быстро приводит к гибели, недостаток ее неумолимо ведет к истощению, и нам справедливо показался бы странным человек, который попытался бы научно трактовать вопрос о том, что нужно ли есть или нет. Совершенно иначе обстоит дело с половыми потребностями: от отсутствия половой жизни не умирают, а вместе с тем серьезно трактуется вопрос, в какой мере и при каких условиях половое воздержание нужно признать вредным и в какой мере оно возможно и для взрослого человека?

Таким образом, перед нами сравнительно гибкий фактор, который поддается регулированию, и мы стоим не перед фатальным, неуклонным явлением природы, где размах нашего влияния с'ужен, как в вопросе о питании, а перед нами с педагогической точки зрения, прежде всего самая настоятельная необходимость дать себе ясный и недвусмысленный ответ, какую позицию мы займем по отношению к этому явлению, ценен ли половой фактор, или в нем говорит только естество, культивировать нам его или же, может быть, стремиться глушить его, поскольку позволяет природа? Тем, кому неясно коренное значение всех этих вопросов для правиль-

ного решения нашей педагогической проблемы, мы напомним, что воспитание предполагает в значительной мере целесообразное сознательное воздействие, и цель эту надо ясно видеть. Вглядитесь в литературу по половому воспитанию, и вы увидите, что у многих авторов, как и у большинства людей в жизни, эта сторона остается неясной или определяется традицией.

Вот этот-то вопрос нам и хотелось бы осветить прежде всего, чтобы знать по той цели, которую мы установим, к каким средствам нам нужно прибегать, потому что нет средств без целей. С этой мыслью мы обращаемся к вопросу о культурной ценности полового фактора, чтобы иметь возможность с открытыми глазами определить наши задачи в вопросе о половом воспитании юных людей.

1. Половой фактор и его роль в культуре.

На пути к этой оценке мы встречаемся прежде всего с пережитком, со старым предрассудком, представляющим одну крайность, и с реакцией на него, представляющей другую крайность. Я говорю о двух противоположностях, все еще дающих себя знать в нашей культурной жизни: по разным причинам в центре их стоит, без сомнения, влияние религиозных мотивов, звавших в потусторонний мир и клеймивших землю как юдоль „пленения, страдания и скорби“; половая жизнь и половой акт, как сконцентрированное проявление земной тяги, рассматривается как постыдное явление человеческой слабости, дань его животной стороне, ведущей к принижению человека и в женщине, и в мужчине. В противовес этому издавна идет взгляд, резко подчеркивающий в половом акте центральное явление,

взгляд, готовый придать ему — скрыто или явно — характер величайшей абсолютной ценности.

Мы здесь, конечно, не можем входить в разбор той или другой крайности и отметим только то, что даст нам возможность беспрепятственно итти дальше.

Чтобы занять правильную позицию, нужно решительно порвать с пережитками взглядов о постыдности и грязи половой жизни, как таковой, а также и отбросить их антипода.

Обе эти крайности одинаково нежизненны и ложны и вызваны особыми философскими предпосылками и особым миропониманием. В первом миропонимании живет твердое убеждение, подкрепленное религиозной верой, что половой акт грубо земной акт и в нем говорит одна сторона, закрепляется земное тяготение; половое влечение является обнаружением влечения к плоти, к веществу, к материи и с точки зрения трансцендентиста обозначает утопание во временном и преходящем и забвение вечного, незыблемого, духовного; нам говорят при этом, что и морально это отрицательное явление, потому что в нем пользуются человеком, как средством, и при том как средством своего чувственного услаждения. Дальше мы надеемся показать, что в основе этого рассуждения лежит неправильное понимание полового влечения и половой жизни в их человеческой форме; они подмениваются здесь голо животным актом, взятым изолированно, и не совсем правильно описывается при этом то, что имеется и у животного только. Но этот взгляд живет и падает с мировоззрением, которое метафизически противопоставляет тело и дух, земное и небесное, — тот дуализм, который для нас является отжившим; и в современной философии, где еще слышатся его отзвуки, он принимает совершенно иные формы. Во всяком случае он связан с дуализмом, который чужд

нам. Что касается морального довода, то и этот аргумент не дышет убедительностью, потому что здесь выявляется не стремление к средству, а стремление к слиянию двух существ, в смутной тяге к созданию для себя новой жизни. Искаженные формы, порожденные тяжелыми сторонами культурной жизни, не могут служить основой для опровержения. Это зарождение новой жизни, фактическое или возможное, должно напомнить нам, что речь здесь идет не только о самоуслаждении, но и о самопожертвовании. Недаром Гегель говорил на своем иносказательном языке, что с момента зарождения детей начинается смерть родителей. Вероятно, этот элемент и создал некоторое колебание и в культурно-религиозных системах, которые далеко не обнаруживают огульно-отрицательного отношения к половой жизни, осуждая только ее неурегулированные формы.

Коренная ошибка кроется в той и другой крайности в том, что делается попытка придать положительную или отрицательную философско-религиозную ценность тому, что должно прежде всего рассматриваться как естественный факт, который может обладать ценностью, в зависимости от того, в какое соотношение и с чем он приведен. В данном случае речь идет о соотношениях, устанавливаемых интересами культуры и развитием человеческого общества и человеческой личности.

Перед нами прежде всего естественное законное явление человеческой жизни, — явление нисколько не хуже и не грязнее, чем всякое иное, а связанность его с зарождением новой жизни с той же естественной точки зрения должна придавать ему в глазах всякого здорового человека много ценных и увлекательных сторон. Только ненависть к жизни, усталость и неспособность жить могут подрывать

это отношение, закрепленное и закрепляемое чисто биологическим путем. У здоровых существ в основе всего этого лежит мощный инстинкт родительства, творящий чудеса не только в человеческой среде, но и в мире животных. Стоит только вспомнить, как маленький, безобидный зверек забывает об опасности и ополчается на защиту своих детенышей, без колебания отдавая свою жизнь на защиту „малых сих", — факт огромной важности и в педагогическом отношении. Если возвеличение и обожествление является пережитком, то, с другой стороны, нельзя видеть конфузливый, грязный факт в том, что мать-природа подчеркнула и подчеркивает с такой мощью, красотой и всесторонностью: вся она во всех своих растительных и животных проявлениях одевается в брачный период в роскошный, разноцветный и многоголосый наряд, зовущий и радостный, вся она — приподнятость, возбуждение и напряжение.

Холл правильно говорит, что уже в нашем любовном языке мы отдаем должную дань этому естественному выявлению; все мы, например, знаем, что значит язык цветов и красок. Уже у животных бросается до некоторой степени в глаза сложная прелюдия любви, завершающаяся половым актом и удовлетворением. Тем больше размах и глубину все это принимает у человека. И тут он не остался и не остается в русле простого естественного течения, но он все претворяет, продолжает творить и видоизменять до некоторой степени и самого себя. Он не только приспособляет, но он и приспособляется. Это вполне понятно и прежде всего потому, что порыв жизни, инстинкт самосохранения гонит его добиваться сохранения и расцвета ее не только в форме личного своего индивидуального существования, но в нем ярким пламенем горит в истоке своем животное, в процессе же развития глубоко одухотворяющееся

стремление или интерес к родовому сохранению жизни: интерес к потомству, к детям является колоссальным, коренным стимулом к жизни, к борьбе, — тем более мощным, что его несет сама мать-природа, насыщающая его своей непреодолимой мощью. Об этом ярко говорит не только чувство умиления перед детьми и жалости к маленьким животным, но об этом говорит и детская жизнь, например, с ее играми, а иногда и с таким заявлением, с каким недавно пришлось столкнуться мне, когда 5-летняя девочка в ответ на сообщение о серьезном положении больной взрослой девушки сказала: „Но как же она может умереть, когда она еще не была мамой?“

Исходя из этого положения, мы таким образом вправе подчеркнуть, — с некоторым преувеличением, что угасающий или угасший интерес к полу обозначает большей частью угасающий или угасший интерес к жизни. Здесь именно бьет неиссякаемый источник стимулов к творчеству и деятельности вообще. То, что этот источник такого резко-естественного порядка нисколько не противоречит тому, что он оказался способным отлиться в чрезвычайно усложненные культурные формы. Ведь, в конце концов и культура является претворенным естеством. Какую роль играет этот природный источник силы и творчества, это видно из того, что в общем и целом эпохи дегенерации, эпохи упадка — хотя бы это был начинающийся упадок, как это сплошь и рядом наблюдается на эпохах большого внешнего расцвета, — всегда сопровождаются половой распущенностью, извращенностями и их непременным спутником — половым бессилием; наоборот, самый расцвет как будто обусловливался накоплением половой энергии за предшествующие суровые эпохи строгости и воздержания, так что последующий размах творчества и вместе с тем распу-

щенности обозначает прорыв этой долго копившейся энергии. Период акмэ в Греции и эпоха Возрождения могли бы в частности дать благодарный материал для иллюстрации этой мысли. Сильный и действенные эпохи сильны и половым образом. Таким образом, естественно сделать отсюда вывод, что в вопросе о здоровой половой жизни подымается вопрос о т ч а с т и и о сохранении и поддержании здоровой дееспособности.

Но речь идет по отношению к человеку в этом случае не только о дееспособности в голой борьбе за поддержание жизни и ее увеличение. Этот фактор нашел и находит для себя необычайно многогранное выявление в культуре. Уже у животных, как говорит нам естествознание, он привел к образованию целого ряда добавлений, имеющих явно приобретенный характер и предназначенных служить радости и увлечению, т.-е. представляющих собой как бы роскошь жизни. Таковы — красочное оперение, шпоры, гребешки, гривы, певческие голоса, крики, осанка и т. д. и весь тот сотворенный, приобретенный увлекательный антураж, который таким богатым налетом разлился по всему живому органическому миру.

Тем значительнее и шире оказывается эта картина у человека. Совершенно правильно отмечается, что у него процесс преобразования себя далеко не закончился, он идет дальше и, говоря, что человек творит культуру, мы говорим, что речь идет здесь также и о творчестве самого себя. Творчество это берет тем больший размах, что оно выявляется не только в претворении себя, но оно все глубже и шире выражается в продуктах претворения окружающего мира и предметов, в создании новых ценностей всякого свойства, как картина, музыка и т. д. Конечно, отмечая грандиозную, коренную роль полового фактора

в культуре, мы не должны абсолютировать ее, так как половое чувство все прошло у культурного человека через значительные видоизменения, меняется дальше, и целый ряд созданных им вторичных свойств приобрел и приобретает совершенно самостоятельное значение, как творчество в искусстве и т. д. Недаром утверждают, что сильные и большие творческие личности всегда люди большого полового чувства, которые или ищут и находят для этой своей стороны прямое выявление, или же оно у них отливается в пыл и пламя работы и созидания культуры и общественной жизни, имея в виду под названием культуры вообще разнообразные выявления и достижения человеческого одухотворенного творчества.

Говоря о половом факторе и его влиянии на культуру и творчество, мы, конечно, имеем в виду не только прямое его действие, но и его вторичные и третичные и т. д. отражения, особенно его стимулирующую роль, повышение самочувствия, приподнятость, увлечение, восхищение, радость и горе и самые разнообразные формы стремления к укреплению жизни и расширению ее диапазона. Если собрать все это вместе, то нам едва ли покажутся особенным преувеличением слова германского ученого, Ивана Блоха, который в введении к своему капитальному, необычайно ценному труду „Половая жизнь нашего времени“, говорит: „история любви есть история человеческой культуры“.

Мы здесь не можем и не стремимся исчерпать всей глубины этой огромной темы,—для нас в данном случае это и не нужно: для наших педагогических задач достаточно отметить только кое-что, чтобы самая мысль стала понятной. Ст. Холл в своем большом труде о „Юности“ вслед за биологами правильно подчеркивает, что соперничество из-за самки являлось ко-

ренным фактором развития. Похищение сабинянок может быть не только анекдот, но и в высшей степени характерный символ. Вот перед нами миннезингеры, барды, трубадуры, поэты, — все те, кто так много дал музыке, пению, поэзии, все они обозначающие зарю искусства, — разве они не родились из порывов любви к представителям другого пола и соперничества из-за „нее"? А о чем говорят рыцарские турниры помимо общественно-политических мотивов? Все дело только в том, что тут половое влечение усложненное, пусть временами утонченное до полной платонической любви, но все-таки это любовь к существу другого пола; только часто подготовительные шаги, „прелиминарии" приобретают сами характер самостоятельных ценностей. Повседневный опыт и наблюдение подтверждают, что глаза женщины или чувство ее присутствия выпрямляло не одну вяло согнувшуюся спину, заставзяло напрячь все мускулы, загореться взгляд, обостриться мысль и волю и т. д. Не один описываемый Холлом мальчик приобретал под таким влиянием крепость шага, напряженность фигуры и т. д. То же мы наблюдаем и на женском поле. Опыты — ясные и точные — говорят нам, как увеличивается сила молодых людей, если их не съедает смущение, в экспериментах в зависимости от присутствия девушек. Также старо и известно влияние конфликтов из-за увлекательного представителя другого пола.

Для нас в применении к человеку и культуре здесь важна не прямая физическая борьба из-за противоположного пола, а ее отражения, — то разряжение, которое находит половое чувство в творчестве. Отсюда полился и льется богатый поток творческих сил. Недаром подчеркивают, что первые звуки, прозвучавшие в мире нас-

комых и живых существ, были звуки сексуального порядка; и может быть первая песня, первая инструментальная мелодия, хотя бы это была примитивнейшая свирель, пела не только о чувстве и радости жизни, но и, естественно, о первой любви. Античный поэтический миф об эросе и его оплодотворяющем значении, использованный так глубоко и многозначительно в философском учении Платона, нашел своеобразное подтверждение и отражение в трезвой реалистической науке естествознания. Ни кто иной, как Дарвин, выдвинул взгляд, что искусство берет свое начало в половом соперничестве. Правда, слышатся голоса значительных ученых, которые не совсем солидарны с этим утверждением. Так Гроос подчеркивает принцип самоизображения, как, например, у животных ясно проявляющееся наслаждение звуком своего собственного голоса; то же значение он приписывает движению, как средству к повышению чувства жизни, проявление экстаза. По его мнению, „в искусстве, достигшем более или менее высокой степени развития, эротический элемент занимает значительно более видное место, чем в известном нам первобытном искусстве". Но по существу здесь нет повода для отрицания правильности точки зрения Дарвина. Во всяком случае нас интересует именно современность, и мы, повторяю, видим в половом факторе не прямого созидателя культуры, а только коренной стимулирующий фактор.

Что касается первобытного искусства, то в нем можно найти так же достаточно данных в пользу нашего утверждения, а кроме того, там половое чувство выступает слишком оголенно и прямолинейно и легче находит для себя прямой выход и не задерживается так на самом процессе любви. Половой фактор превращается в богатый стимулирую-

щий фактор именно тогда, когда он находится в напряжении и течет до известной поры по всякого рода скрытым путям, прежде чем он найдет для себя прямой выход. На этой почве создается та эмоциональная взбаломученность и подъем, без которой нет и не может быть художественного творчества и увлечения. Недаром даже общественный, социально-исторический роман или повесть не может обойти любовную ткань, иначе получится трактат, мемуары и т. д. Чтобы творить или воспринять, говорит нам одна из крупнейших теорий эстетики современности, нужно „вчувствовать" свое „я", но чувство, о котором идет здесь речь, это не чувство голода, а чувство жизни, а следовательно и пола. Момент персонификации играет огромную роль в наших переживаниях и эстетическом творчестве, в воздействии и восприятии; но персонификации не бесполой, а живой, подлинной. Так мы, глядя на распустившуюся пунцовую красавицу-розу, говорим о ней, как о созревшей женщине; вид только что распускающейся зеленеющей березки или начинающей цвести яблони или сирени дает нам повод сказать, что „сирень разоделась как невеста", и т. д.

С нашей педагогической точки зрения особенно важно отметить глубоко знаменательный факт, что у человека с пробуждением полового чувства в юности впервые начинается особый расцвет не только эстетических, но и творческих порывов вообще: редкий юный человек, юноша или девушка, не чувствовал себя и не пытался выявить в какой-либо форме творческой силы — поэтом, музыкантом, певцом, артистом, героем, спортсменом и т. д. [1]). При-

[1]) Срв. об этом М. М. Рубинштейн и В. Е. Игнатьев „Психология, педагогика и гигиена юности", изд. „Мир", Москва 1926.

поднятое углубленное чувствование берет свою главную силу во вновь вскрывшемся половом факторе. Именно в эту пору пробуждения полового чувства начинает говорить неутолимая жажда необычного, героического, яркого, нового. С точки зрения педагогики это — факт первостепенной важности, большого указующего значения для воспитания. О том, что эта сторона заслуживает быть отмеченной, говорят и труды некоторых теоретиков эстетики. Так Фолькельт пишет в своей „Эстетике“: „Через пробуждение полового чувства в юноше или девушке создается оживление и теплота художественного восприятия. Рука об руку с первой юношеской любовью, приблизительно в 16 или 17 лет, обыкновенно вкус к привлекательности и красоте ландшафта, к волшебной силе поэзии, живописи, музыке также испытывает такое утончение и усиление, что в сравнении с этим все более ранние переживания и наслаждения совершенно тускнеют“. Блох думает, что „только чувственность впервые дает жизни цвет, порождает нюансы и тонкие оттенки чувства, без нее жизнь показалась бы иссеро в серо, была бы монотонной пустыней, радость существования и творческая сила были бы уничтожены или по крайней мере сведены на минимум“. Ясно, что все это — итог не просто чувственности, а того ее напряжения, которое получается в итоге подчинения ее разуму, культуре, сдержанности, налагаемой различными формами человечности.

Останавливаться здесь на глубокой, исстари идущей, почти первичной связи половых интересов и чувства и религии нет необходимости. Это общеизвестно: все мы знаем, какую колоссальную роль играл половой фактор в этой стороне жизни человека; об этом достаточно красноречиво говорят многочисленные сексуальные формы выявления ре-

лигиозного чувства, начиная от времен первобытного человека и кончая нашей современностью, в которой Блох остроумно рекомендует обратить внимание на такие выражения, как „Христова невеста“ и др. Конечно, при этом и он имеет в виду не грубые проявления сексуальности, а указывает, что эротизм может принимать самые утонченные, высоко облагороженные формы. В этом широком смысле мы и подчеркиваем эту связь.

Как бы это странно ни прозвучало, но мы должны пойти дальше и подчеркнуть далеко не абсолютное, но все-таки огромное стимулирующее значение полового фактора и в науке, и в области знания и мысли. Чтобы понять это, необходимо только подойти к вопросу шире и вспомнить, что вместе с заменой мимолетной встречи устойчивой связью мужчины и женщины и половой фактор должен, как мы это увидим дальше, трактоваться шире: борьба за „самку“ становится уже борьбой не только за особь другого пола для мимолетного удовлетворения, но за подлинного „спутника жизни“; следовательно, здесь идет борьба за весь диапазон и чувство жизни.

На этом фоне нам становятся понятными такие утверждения, как то, что половое стремление называли отцом живущего только в человеке гениального устремления, которое сделало его мыслителем и изобретателем. Правда, мы также знаем сетования многих великих мыслителей на помутняющее влияние половой жизни и влечения на чистую духовную деятельность; мы знаем, что многие по этим мотивам подчеркивали очистительную и просветляющую силу аскетизма, делающего якобы нас способными пробиться к подлинному „свету истины“. Но прежде всего отдельные аскетические достижения в этом направлении нас не могут убеждать по той простой причине, что аскетизм есть сам все-таки

уже продукт культуры, и к нему приходят и применяют его люди, прошедшие часто через „горнило жизни", „через огонь и воду". Вообще же нет сомнения, что мысли о бесполости, как идеальном состоянии, которые у нас, например, были высказаны Бердяевым по поводу книги Вейнингера, обозначают — к счастью, невозможную — перспективу уничтожения не только просто плотской жизни, но и корней духовного творчества, разрушения основы богатейшей жизни чувства и мысли; это обозначало бы полное опустошение подлинно человеческой сферы, и избавило бы не просто от чувственности, а от проблесков мысли вообще, как и от жизни.

Сексуальность насыщает наше духовное бытие теплотой, красочностью и звучанием. Ведь, и в старости мы живем ее отзвуками и вторичными и третичными отражениями и запасом. Блох не без основания ссылается в этом случае на знаменательное различие в письмах Абеляра до его оскопления и после этого насилия, создавшего полный переворот у него и в его реакциях на жизнь, мир и людей, как и в его духовных отношениях к любимому человеку. Холл справедливо напоминает нам, что эрос, любовь вдохновляла и укрепляла не только физическую борьбу и не только поэтов, художников и музыкантов, но и мыслителя, и ученого, и познание; она есть во всяком интересе и увлечении, без которых невозможно ничто великое; „знание жизни есть в корне своем знание любви" говорит он: „мир смутно всегда понимал, что любовь ускоряет понимание и что сердце оплодотворяет интеллект, но полное значение любви, как органа апперцепции, ново". В том же духе Шопенгауэр повторяет слова поэта Вовенарга, что „великие мысли рождаются сердцем". К сожалению, мы не можем углубиться здесь в анализ

интуиции, занявшей столь почетное место в философии последнего времени, а меж тем и там можно было бы показать, что в этом противопоставляемом рассудку — интеллекту познавательном факторе, в этом чутье, в непосредственном постижении „сердце“ также не лишено значения с чисто фактической, психологической стороны.

Читатель легко сам дальше продумает ценность полового фактора в социальном отношении. По самой своей сущности половой фактор социален, он мыслим только как тяга к другому лицу, нормально другого пола; как мы увидим дальше, речь идет не только об удовлетворении себя, но оно уже, как физический акт, остается неполным, если не ощущается rapport — отклик партнера, иначе получаются жалобы на неудовлетворенность, на холодность и т. д. Все это понятно и с другой стороны, которая также не должна оставаться без внимания: в физически и духовно здоровом половом соединении достигается не только физиологическое удовлетворение, но огромное значение принадлежит среди других психических следствий смутному, но сильному ощущению расширения и углубления своей личности, ее власти и мощи; в человеческих отношениях это чувство играет огромную, далеко еще не учтенную наукой и медициной роль [1]). В нравах, морали, во всех проявлениях социальной жизни вплоть до полной шири хозяйственных, экономических отношений можно проследить влияние этого фактора, благотворное в положительном случае и разрушительное при дегенеративных выявлениях половой жизни.

Все это находит свое подкрепление в ряде других мотивов. Прежде всего отметим, что в любви культур-

---

[1]) Отсюда легко понять пагубность онанизма и разврата.

ных людей, как мы это только что подчеркнули, делается не только дело рода, продолжение потомства, и мы являемся в этом случае не простым орудием родовых стремлений, но это конкретно есть в неменьшей степени дело личности, дело индивида и индивидуальности. Соединяясь здоровым полным образом, человек не только расширяет свою личность, но и углубляет себя потому, что здесь он, как было уже отмечено находит богатый источник сил и побуждений для самовыявления; это совместный путь, путь совместного не только делания жизни, но и творчества, углубления самого себя. Старый эстетик Зульцер говорит, что любовь это дерево, у которого корни в телесном мире, а ветви его разветвляются над этим миром в сфере одухотворенной и с культурой они становятся все больше, все богачей. Ясно при этом, что тут должно быть полное органическое единство.

Во всестороннем росте человечества все это сыграло коренную роль. Отсюда, между прочим, становится понятным, что культурный человек всех масштабов теперь взвешивает характер любимого человека, говорит об его уме, об общей его стимулирующей силе и влиянии, как бы учитывая те шансы на поддержку в своем развитии и преуспеянии, которых он ждет от своего спутника или спутницы. Сам человек без таких стимулов никогда не ушел бы далеко по пути прогресса, а любовь может его заставить, заставляла и заставляет часто, как говорят, превзойти самого себя.

2. К психологии полового чувства.

Нужно принять во внимание, что об этом же говорит и самая природа полового чувства в его современной форме. Если мы возьмем половое

стремление обнаженно, изолированно, то правильно думают, что для него, в сущности, вся сложность духовно-культурного окружения и длительной процедуры совершенно не нужна. Давно уже указывали, что половая потребность сама по себе беспредметна (Шопенгауэр) и может быть удовлетворена на довольно обширном числе особей другого пола без особого отбора. Племенные особенности еще составляют некоторые, но все-таки слабые грани, как и влечение к полным или худощавым представителям другого пола и т. д.

Но уже у животных в действительности, если мы возьмем половое влечение не отвлеченно, а жизненно, можно констатировать ряд усложнений, предпочтений, своего рода влюбленности. Тем более это явление глубоко и широко у человека. Мы подошли к факту культурной жизни, который имеет первостепенное педагогическое значение и который или не замечается, или недостаточно энергично подчеркивается. Конечно, именно в данной сфере велик простор, и многообразие индивидуальных выявлений и их форм, — вся та же спорная сфера личного вкуса. Не отрицая этого и не умаляя значения индивидуальных отклонений, мы тем не менее должны тем внимательнее вглядеться в основные типические черты этого влечения. И вот тут перед нами встает следующая картина.

Если птицы и животные строят всю свою увлекательность на внешних признаках, оперении, голосе и т. д., то у человека мы наблюдаем, что он действует не только своими внешними рессурсами, различно пользуясь ими, иногда даже в форме полного пренебрежения к ним, но это у него, чем он выше, попутное средство: он действует всей своей сложной психикой, выявлением всей силы своего творчества или его перспективой. Эта осло-

жненность настолько велика, что о нас, культурных людях, отчасти правильно говорят, что для нас процесс достижения, перипетий любви, ухаживания, надежды, ожидания, одним словом, „прелиминарии“ имеют едва ли меньшую цену, чем самое достижение.

О таком широком диапазоне говорит вся природа полового чувства и проявлений, как они выражаются у современного человека, в их фактическом состоянии. В самом деле. Мы теперь с бо́льшим правом, чем когда-либо, имеем основание утверждать, что чисто местное половое чувство — для культурных людей в особенности — есть фикция: в итоге огромного пути развития из первичного оголенного фактора, как и вокруг него, физиологически раскрылся необычайно сложный клубок, р а з л и т ы й п о в с е м у ч е л о в е к у. Сравнительная простота, „физиологичность“ полового чувства и акта, как он имеется у низших организмов, оказывается чрезвычайно усложненной у человека, где это чувство обогащается не только комплексом температурных, осязательных, но и зрительных и всякого рода душевных согласованностей, всем ароматом личности. Чем человек культурнее, тем сложнее его чувство; оно захватывает в с е г о человека и связано у него с сознанием своей сложности как в структуре, так и в следствиях. Недаром голое половое чувство аттестуется, как животное. Да и в последнем можно отметить этот элемент „разлитости“: что половое чувство не сосредоточено в одном месте, в так называемых половых областях, это видно из стремления человека совершать акт сочетания в обнаженном состоянии; одежда — помеха, хотя бы нужные органы были оголены. Стремление соприкасаться возможно большей поверхностью тел, как бы вплоть до их полного слияния, вытекает,

очевидно, не только из пережитка опасения, что самка убежит, потому что женщины ценят эту полноту соприкосновения и стремятся к ней не менее, а даже более, чем мужчины; это стремление становится понятным только, если мы вспомним о „разлитости" полового чувства по всему существу человека. Как она велика, это видно из того, что даже обоняние имеет очень тесную связь с производительной функцией, и что разнообразные люди, как говорит Блох, черпают первые стимулы к половому возбуждению из удивительно разнообразных чувственных источников и ощущений, и тот же авторитетный автор подчеркивает, что не только „вся история культурного развития человека есть постепенное и верное усложнение и одухотворение половой жизни", но что этот процесс продолжается и должен продолжаться в сторону чрезвычайно разлитого чувства и ощущения. Нет никакого сомнения, что в удовлетворении половым актом кроется одна черта смутного характера, на которую недостаточно обращают внимание: в этом слиянии удовлетворение достигается не только самым половым актом, но в психической удовлетворенности далеко не последнюю роль играет чувство расширения и углубления своей личности, ее мощи и власти, прорыв изолированности и т. д., смотря по индивидуальности.

Таким образом, „мы любим всем телом нашим и ни один анатомический элемент не является не заинтересованным в функции продолжения рода" (Ст. Холл). Природа здесь играет на богатейшем и необычайно многостороннем инструменте. И это нисколько не мешает его единству; что касается одухотворения, то оно не только не мешает в здоровых формах чувственности и не исключает ее, — этот предрассудок нужно оставить, — но, наоборот,

насыщает ее в положительном случае всей силой санкции и сознания законности, ценности и полноты; многоголосость же и разносторонность культивированного чувства вполне совмещается с единством, она превращается в слитное органическое „единство многообразия". В психологии давно известен так называемый принцип эмоциональной общности, позволяющей иногда самым разнообразным ощущениям и чувствам, как и представлениям, слиться на почве общности переживания и сильного чувства в одно слитное целое; это целое, это единство тем прочнее, чем больше оно переживается, и весь комплекс может быть вызван, так сказать, с любого пункта его периферии и круга. Такой комплекс, без сомнения, представляет половое чувство. Отсюда становится понятным тот факт, что часто мало заметная, тем менее понятная для чужого глаза ничтожная черточка может вызвать любовь у соответствующего индивида и вызвать всю полноту полового чувства. У Ст. Холла в его „Adolescence" приводится в этом отношении интересные данные, что зажигательным пунктом могут явиться даже такие частности, как манера пожимать плечами, прядь волос, наморщивание носа и т. д.

Отсюда ясно, что „прелиминарии" любви могут и должны иметь огромное значение, не только жизненное, облагораживающее, подлинно очеловечивающее половые стремления, но это — сторона, которая имеет необычайно важное значение и для педагогического воздействия, определения его путей.

Уже здесь можно отметить, что естественно голый, животный акт для нас, культурных людей, есть не только морально отрицательное явление, но он биологически отрицателен как рецидив, а главное, при случайном неоправданном полнотой чувства, сочетании в этом сложном клубке потребностей,

чувств и ощущений удовлетворяется только одна, хотя и основная, сторона, а все остальные приходят с ней в разлад и раздор внутреннего, т.-е. самого мучительного порядка. Известно, что такой голо животный акт сопровождается последующим, тотчас после акта наступающим отвращением к случайной „особе", иногда злобой, вызывающей эксцессы, надругательства, иногда это сопровождается отвращением и к себе, и к „ней" вплоть до действительной физической тошноты, чего нет и не может быть при сношениях, очеловеченных любовью, хотя бы до некоторой степени основанных на увлечении. Это необходимо иметь в виду и в разработке методов полового воспитания.

Другую крайность являют нам случаи, когда сочетание полов, как момент, выпадает и остается и сгущается до разряжения полового акта какая-либо созерцательная или иная частность, например, сексуальный экстаз от прикосновения к волосам и т. д. Но эти явления мы здесь рассматривать не будем, как патологические, хотя у них психологически и принципиально много общих черт [1]). Характерно по полу отличаются два комплекса, рождающиеся на почве полового чувства и самовыявления мужской и женской личности, — это мужественность и женственность, ищущие дополнения друг в друге и дающие мириады переливов в жизни и культуре, как они дали их и в истории развития всей творческой роли человечества. В индивидуальности этих комплексов можно было бы найти разгадку многих явле-

[1]) Вероятно, этой „развитостью" и сложностью полового чувства объясняется тот факт, что нередко кастрация не уменьшает, а иногда даже увеличивает половое чувство, так как стимулы идут с разных сторон и выпадение одной причины не уничтожает всего явления.

ний, как и осветить значительно полнее культурно-творческую роль и мощь женственности, выявлявшиеся и выявляющиеся далеко не всегда на прямых путях, но больше всего значительных в сфере стимулирования, призыва и высвобождения творчества. Что в корне этих комплексов лежит пол, это нет нужды и доказывать.

Считаясь с рамками, поставленными нам нашей задачей, мы можем ограничиться этими соображениями. Они вполне достаточны, чтобы констатировать необходимые общие основы для определения задач полового воспитания. В заключении обзора этих мотивов нужно отметить только, что теперь становится совершенно ясным, до какой степени человек в своей половой жизни „не один", как ложна мысль, что здесь — сфера, где мы можем распоряжаться нашей жизнью, как нам угодно. Наоборот, мы должны всемерно подчеркнуть, что этот интимнейший акт глубоко социален, и что общество и социальная среда затрагиваются им в очень сильной степени, а потому они и не могут и не должны проходить мимо его форм и следствий. Часто повторяющаяся мысль, что „половая жизнь во всех ее формах представляет вполне частное дело каждого отдельного лица", является утверждением, требующим весьма существенных оговорок. Отметить их тем более необходимо, что такое утверждение слышится из уст социалистов [1]) и оно уже успело дать свои роковые следствия в жизни.

Как раз именно половая жизнь во всех ее формах всегда затрогивает другое лицо, но и не только это: всегда невидимо только до поры до времени, потенционально, существуют интересы третьей сто-

---

[1]) См., напр., „Половой вопрос, государство и культура". Госиздат, 1920, стр. 65.

роны, именно возможных детей. И вот отсюда особенно и проистекает социальная наша заинтересованность, ясно и повелительно указывающая на то, что эта сторона жизни не может быть предоставлена произволу индивидуальных вкусов в полном масштабе. Минимально должны быть ограждены права и интересы детей, как и самого общества, а также более слабая сторона, которой является женщина, так как на ее долю падают беременность, роды и ребенок. Если половая жизнь сама по себе могла бы быть частным делом каждого отдельного лица, то ее формы и пределы уже определенно захватывают интересы общества, коллектива, в который входят данные индивиды, а тем более ее следствия. Не надо забывать, что в первом случае возможно совращение малолетних, напр., возможно злоупотребление человеком вплоть до уничтожения его жизни или, по меньшей мере, подрыва ее; и в обоих случаях сочетающиеся индивиды могут при индивидуальном, ничем неограниченном произволе создавать частичную дегенерацию всего коллектива и в конечном счете, истаскавшись или извратившись, будут посылать в жизнь больных или преступных сочленов, физических и психических уродов. В виду таких следствий мы не можем рассматривать половую жизнь целиком как чисто частное дело каждого. Так как мы имеем здесь дело с интимной стороной жизни человека, не поддающейся учету и требующей к себе особо бережного отношения, то государство законодательным путем обеспечивает свои права и права детей в форме возложения ответственности за следствия на участников, а общество оказывает давление — и должно это делать — моральным путем, и чем оно культурнее, тем больше; оба же они вместе центр тяжести своего воздействия, в виду особой природы

полового чувства и половой жизни, переносят и должны перенести в способствование устойчивым сочетаниям, в деторождение и воспитание. Введение в нормальное общественно-здоровое русло половой жизни возможно только в том случае, если мы позаботимся об этом с раннего детства; когда же этот фактор созрел, тогда, в сущности, уже поздно говорить о его пересоздании.

3. К психологии разврата.

Размышление над существом полового чувства в его культурных человеческих формах привело нас к пониманию большой сложности этого переживания, которую мы назвали — за неимением другого подходящего термина — „разлитостью". Отсюда должен, как мы надеемся показать дальше, пасть яркий свет на пути полового воспитания юных людей; отсюда же можно понять некоторые отрицательные стороны разврата, обращенные больше к психологу и педагогу, чем к врачу.

Дело в том, что постоянные указания на возможность физического истощения и венерических болезней в сущности далеко не исчерпывают всего вопроса, потому что разврат может легко одеться в такую форму, которая оградит в достаточной мере от того и другого зла. Тем не менее разврат остается не только социально пагубным явлением, но и разрушительным для самого данного индивида. Это нетрудно понять, если мы вдумаемся в следствия, вытекающие из природы полового удовлетворения и связанных с ним потребностей.

Разврат получается там, где „разлитость" и полнота полового чувства оказываются нарушенными, все добавочные, культурой и человечностью привнесенные стороны отпадают и обособляются, и поло-

вое влечение оказывается оголенным, чисто животным; происходит рецидив, впадение человечества в данном своем сочлене в первобытно животное состояние. Отсюда и получается то, что оголенный половой инстинкт знает только момент, именно момент физического удовлетворения. Для него в сущности любовь не нужна, лишь бы на данный момент была специфическая половая пригодность. Индивид в этом случае как в предшествующей, так и в последующей стадии, да и в самом половом переживании, берет только свое голое животное переживание и игнорирует все остальное, в том числе и следствия своих поступков. Таким образом, в этом случае совершенно исчезает элемент постоянства.

Следствия нарушения „разлитости" и полноты человеческого полового влечения идут дальше. „Разлитость" и полнота с их многоголосостью естественно, выдвигают ощущение, сознание потребности в другом, равном человеке; здесь нужно не только средство, но нужен человек, который был бы способен отозваться на всю нашу личность, а это обозначает, что он должен быть сам личностью; это значит уже, что предмет моей любви должен быть не только средством для моего удовлетворения, но он становится самоцелью. Это станет нам понятным, если мы припомним, что в этом случае мы предполагаем и утверждаем свободу предмета нашей любви, потому что он должен свободно отозваться на наш зов. Таким образом, здесь устанавливается нравственное, любовью обоснованное отношение, создающее большую прочность и устойчивость во взаимоотношении людей, взаимную поддержку, но мало этого, — вырастает и крепнет социальное чувство и связь и повышаются в положительном случае возможности культуры. Недаром мы в этом

случае говорим, что любящие принадлежат друг другу всем „телом и душой“.

В разврате нарушенная связность, полнота, „разлитость“ приводят во всем к обратным следствиям. Душевность исчезает, поскольку это зависит от полового влечения; исчезает с ней и отношение к другой личности, гибнет ее достоинство; она сводится на роль средства и при том еще преходящей прихоти, которая найдет для себя через короткий промежуток времени иной объект. Недаром в разврате половой акт завершается очень часто чувством отвращения или презрения, потому что человек в нем исчезает. Это своего рода глубоко разочаровывающий обман, хотя бы в форме самообмана, потому что в этом случае вместо овладения ценностью овладевают в итоге пустым местом.

Но опустошается не только предмет страсти, на котором изживается развратное чувство; совершенно ясно, что опустошенным оказывается и сам субъект. Все стороны, удовлетворяющиеся в любви, чувство слияния и гармонизации с другой личностью, чувство углубления и увеличения своей личности неминуемо падают; неудовлетворенные стороны человека, взбаламученные односторонним актом, оказываются обойденными и должны тем громче и больше заявлять о себе. Характерно, что образующийся распад в самой личности создает все большие шансы на неудовлетворенность вообще; недаром у развратника особенно вырастает ревность, недоверие, как будто он сам знает, что подорванная в нем цельность делает уже невозможной для него полноту любви и ее благотворное действие. Разврат опустошителен для обоих сторон; он губителен не только индивидуально, но и социально. Основной грех его в том, что он не конденсирует, не сгущает и не углубляет личность, как это должно делать полное

чувство, а атомизирует человека, заставляя его различные стороны разбегаться по разным, часто совершенно противоречивым путям.

Таким образом, разврат, обставленный с медицинской стороны известными предосторожностями, тем не менее не избавляется от губительных психологических и культурных следствий, которые особенно важны с педагогической точки зрения.

Для уяснения этого педагогически существенного вопроса не лишено интереса то, что явление разврата и половой испорченности представляется по преимуществу фактом жизни культурного человечества. Примитивная жизнь первобытного человека его почти совершенно не знает, и не знает потому, что там, во-первых, нет таких препон для полового удовлетворения, как и для повышенной потребности в нем, но главное, — половое чувство там ближе само по себе к оголенности естественно животного влечения и не усложнено так, как это мы встречаем у культурного человека. Там, таким образом, в силу упрощенности психики, в силу односложности требований к себе и к объекту своего влечения, в силу простоты жизни значительно уменьшается возможность распада или конфликта с собой. И чем выше культура, тем острее становится и не может не становиться проблема полового разврата, тем губительнее его следствия, индивидуальные и социальные, потому что здесь создается в человеке и обществе усложненная и многосторонняя полнота и, естественно, тем больнее ощущается ее раздражение.

Упомянем здесь в нескольких словах свойственный юности половой порок, онанизм. Как известно, ряд медиков утверждает, что вред этого порока по меньшей мере преувеличивается. Слышались уже голоса, утверждавшие, что он безвреден, если он не принимает постоянного характера.

Нам хотелось бы обратить внимание на ту сторону, которая, к сожалению, в этом вопросе незаслуженно мало привлекает к себе внимания. Я имею в виду психологическую сторону этого порока, которая подтверждает, что это порок, что это зло и зло достаточно разрушительное. Дело в том, что здесь в принципе повторяется та же картина разложения, но еще усложненная другими свойствами и следствиями: в этом случае делается попытка изжить потребность, связанную с соединением с другим лицом, на самом себе. Отсутствие предмета влечения ясно сознается, и такой индивид замещает его произвольно вызываемыми образами знакомых ему людей, большей частью другого пола, почему-либо привлекающих его. Ко всем недочетам здесь привступает все нарастающее развращение фантазии, возникает типичный порок иллюзорности, оторванности и отрешенности от действительности и так далее. Таким образом, это несомненное бедствие, достаточно подчеркиваемое чувством падения в собственных глазах индивида, омерзения и своей слабости.

Исходя отсюда, легко продумать отчасти и источники разврата. Обычно в этих случаях принято называть целый ряд внешних поводов, наталкивающих на разврат, — о них мы скажем несколько слов дальше, — но мало вдумываются в психологическую подоплеку его, а между тем понимание ее может оказаться педагогически очень полезным.

Потерпевшие крушение общественные движения в этом отношении дают любопытные образчики Там налаженный большой комплекс оказывается разбитым, и место его заступает оголенный половой фактор, который должен помочь потопить сознание наступившего отчаяния иллюзией жизни этой очень интенсивной стороной самоощущения: ведь, в обще-

стве, в культуре, в социальных мотивах все оказывается опустошенным и, чтобы жить, надо сосредоточиться на себе, уйти в себя; так как для деморализированной эпохи ценные пути, содержательные и культурные, оказываются застланными и своего рода общественным туманом, то остается только одно: вступить на наклонную плоскость голого полового чувства, уйти в то болото, которое засасывает человека и добивает его окончательно. Так после 1905 г. на смену строгости интеллигентной молодежи, державшей свои половые стремления под контролем идейного широкого комплекса, пришли порнографические течения, пессимизм, литература самоубийств, половых насилий, кружки вроде „Огарков" и так далее. Так разбитая общественная „разлитость" дала свои плоды.

Психологические побудители к разврату могут быть очень разнообразны, они разнообразны, как сама жизнь. Если разбитые общественные интересы могут легко толкнуть на этот путь, как и вообще все формы разочарования, то своеобразный толчок в эту сторону может проистекать и из потребности в чрезмерно повышенной жизни, даже идейно обоснованной, но недостаточно устойчивой в своем отношении к поставленным задачам. Человек, живущий борьбой, подъемом, привыкает ассоциировать с ними свою жизнь и ее смысл; понемногу опять-таки эти сопровождающие моменты становятся самоцелью, заслоняют цели, придающие им смысл, и цельность оказывается подорванной, так что когда наступает обыденная, регулярная работа, у такого человека наступает в силу только что указанной подмены недовольство жизнью, отсутствие достаточно яркого самоощущения, и вот в погоне за ним человек кидается в сферу половой страсти. Такую картинку дает в своем рассказе „В будние дни"

Сейфуллина; она описывает революционерку, которая в будние дни, с наступлением поры спокойной работы замещает потребность в героическом самоощущении грязной изменой любимому человеку, изменой в пьяном виде, с нелюбимым, чуждым человеком. Неудовлетворенное стремление к героизму легко может стать таким источником распущенности, в особенности у молодежи, которую — как раз в ее здоровых экземплярах — потребность яркого, необычного, напоенного подвигом и борьбой жжет как огонь. Воспитатель делает роковую ошибку, проходя мимо этой стороны. Некоторые источники половой распущенности мы отметим еще в дальнейшем изложении.

В заключение мы здесь упомянем еще об одном психологически обоснованном источнике, из которого идут стимулы в частности к половой распущенности. Таким источником является по вполне понятным причинам всякое время, связанное с заметной или резкой сменой жизненных и нравственных взглядов. Старое в этом случае сбрасывается, как отжившее, но это не может пройти в порядке простой отмены; следом за отрицанием идет длительное, почти всегда очень мучительное изживание устарелой морали и жизнепонимания во всей их скрытой и явной широте. Каждому должно быть ясно, что провозглашение отрицания далеко еще не является действительным отрицанием в жизни. В процессе изживания этих сторон, признанных по тем или иным причинам устарелыми, индивид, среда, особенно юная среда чувствует в себе власть инерции, чувствует давление старых поколений, существующих, еще не успевших измениться условий и других факторов и в стремлении освободиться от власти прошлого, от „мертвой руки", хватающей живое, переходит — гонимое пылом

борьбы и жаждой нового — в крайности отрицания, в отклонение часто всего, что связано с ароматом прошлого, не разбираясь, что ценно и что устарело и вредно; пафос отрицания в этом случае часто легко сметает все старые культурные и нравственные сдержки.

Вместе с тем простое отрицание старого еще не знаменует собой рождение новых положительных устоев. Часто в этом случае ясен только основной принцип; новое революционное мировоззрение и жизнепонимание приходит в „огне и буре", а разработка его отдельных областей требует времени и нового жизненного опыта. Четко и ясно стоит только отрицание, а дальше должен итти длительный путь выработки нового жизнепонимания во всех его частностях.

Таким образом, в итоге весь комплекс твердых устоявшихся правил оказывается отброшенным, он вызывает даже преувеличенно враждебное отношение к себе; новый нравственный кодекс еще не создался с достаточной определенностью, чтобы им могла руководиться особенно юная среда. И вот оголенные естественные инстинкты и позывы оказываются на свободе, прежде всего — ничем сам по себе несдерживаемый половой позыв. Так создается разврат переходных эпох. Это та дань, тот урон, который мы пока что неизбежно платим за то, чтобы завоевать новую жизнь. Таким уроном в форме половой распущенности отмечена, например, эпоха Возрождения. Такие жалобы молодежи слышатся в наше время. Сами по себе они, как бы они ни были оправданы, еще не являются поводом для пессимизма, и не указывают на общий упадок. Но педагогу здесь важно учесть психологию распущенности, потому что, как показывает опыт, — и это ясно по существу, — такая эпоха несет в себе и мощ-

ное противоядие в форме увлечения борьбой за новую форму жизни, в форме общественных интересов и т. д. Надо только уметь их использовать, но об этом будет речь дальше.

4. Задачи и принципы полового воспитания.

Как созревает необходимость полового воспитания? Перед нами естественный фактор, которым живет все животное царство; в нем, как и в голоде, говорит органическая потребность, и все живое руководится инстинктом, которому как будто нет нужды учить. Не только животные, но, повидимому, и первобытный человек был чужд мысли или потребности воздействовать на эту сторону. И тем не менее необходимость воспитания здесь не только очевидна, но она ощущается все острее.

В общем итоге мы констатировали в предыдущем изложении, что вся жизнь культурного мира говорит нам о коренном значении полового фактора, — везде в мире, где мы только можем подметить жизнь, там этот фактор является большей частью коренным. Попытки погасить его у аскетов говорят нам именно об угасании жизни, об уходе от нее. Влияние этого фактора, как мы видели, захватывает не только естество, но и в очень значительной мере культуру, как и социальное наше существование. Таким образом, уже отсюда можно было сделать вывод в необходимости вырастить эту сторону человека в желательном для нас направлении. Но эта необходимость усиливается еще другими соображениями. В развитии человека, — может быть, в итоге его переселения из теплых стран и значительного отрыва от животного состояния, — получилось коренное расхождение, заключающееся в том, что половые желания и способность к половой

жизни вырастают — особенно для культурного человека — слишком рано, задолго до того, как наши бытовые, да и природные условия позволяют ему делать это без вреда. Теперь, когда человек вышел на простор чрезвычайно усложненной борьбы за существование в сфере огромной социальной среды и связанности, когда силы его расходуются на многочисленных фронтах, мы становимся все более и более заинтересованными в том, чтобы отсрочить период, который вскрывается природой раньше, чем это нужно по современным условиям жизни человечества.

Здесь природа и культура разошлись. Для нас становится все непреложнее мысль, что „страсти не должны раскрываться раньше, чем созревают факторы, способные обуздывать, их" и это тем более, что мы живем в атмосфере, которая несет с собой много перевозбуждения и для молодежи. Что эта мысль о необходимости ввести естественно выявляющийся половой фактор в культурные рамки известного контроля и сдержанности глубоко жизненна и правильна, это вполне подтверждается тем, что с прогрессом пора полового созревания становится все более критической, размах колебаний в душевном отношении все глубже, и ответственный характер для созревания здорового и полноценного человека все значительнее. Здесь именно р е ш а е т с я с у д ь б а всего уклада будущих мужчин и женщин [1]).

Таким образом мы можем отметить в задаче полового воспитания следующие моменты: 1) Половой фактор, как корень и источник живых человеческих сил, должен быть вырощен полным и силь-

[1]) Сравн. М. М. Р у б и н ш т е й н.—„Очерк педагогической психологии". 3-е изд. 1920, гл. XV, § 4.

ным, чтобы он мог неослабно питать творчество и углубление жизни. 2) Как фактор естественный, рано просыпающийся и лишенный в себе непосредственного контроля и задерживающих моментов, кроме своего истощения и упадка, он должен быть, как и всякое естество, подчинен культуре. 3) На пути воспитания его должна быть тщательно учтена его „разлитость", всеохват и возможность одухотворенного культурного усложнения.

Таким образом, задача педагогики не гасить или ослаблять половое чувство воспитательным путем, а только окультурить его, стремясь сохранить в то же время всю его мощь для более позднего выявления, прямого и отраженного. На этом стоит остановиться на один момент. Сознание, что половой инстинкт будет и должен говорить раньше по природе, чем это нужно по культуре, и будет вносить, как и вносил, много разрушения, соединился с пережитками старого взгляда на половую жизнь, как греховный или грязный акт, и в итоге они дали в педагогике нежелательное отражение: огромное течение обсуждает и пропагандирует меры и пути к ослаблению полового фактора и видит показатель правильности этого пути, если эта цель ослабления достигается. Как ни далеко мы ушли от аскетических тенденций, мы до сих пор встречаемся с самодовольными указаниями, что тот или иной путь дает возможность оградить молодежь от „грязных" мыслей и позывов и ослаблять этот фактор вплоть даже до исключения его. Что некоторая тенденция на ослабление есть факт, в этом нас убеждает не только терминология, но, например, мировая литература о совместном обучении и воспитании в подавляющем количестве приводит в его пользу то, что таким путем достигается ослабление полового влечения, и молодежь начинает смотреть друг на

друга, так сказать, совершенно бесполыми глазами. Мы здесь не станем обсуждать вопрос о том, так это или нет, для нас важно в данном случае то, что этим аргументом пользуются, к этому стремятся. И на место претворения, „сублимаций", и разряжения до некоторого времени в общественную и культурную деятельность становится тенденция на приглушение. Во многих случаях „ослабление" является просто неудачным термином, но он может многих ввести и вводит в заблуждение.

Между тем мы убеждены, что такой путь, если бы к нему стремились и он был возможен, совершенно неправилен со всех точек зрения педагогики, которая готовит нас не к потустороннему миру, а к действительной земной жизни, для борьбы и творчества. Этот путь и задача в значительной мере обозначают попытку рубить ту ветку, на которой помещается хотя и не вся, но все-таки огромная доля нашей созидательной мощи и живые стимулы, борьба за жизнь, т.-е. и борьба за лучшую жизнь. Об этом коротко говорят предыдущие главы, отмечая огромную оплодотворяющую роль полового фактора в культуре, и нам здесь остается только сделать педагогические выводы из этого положения. Теперь, как никогда, нужны здоровые, сильные, напоенные стремлением к борьбе и созиданию люди. Но у здоровых молодых людей должно быть стремление к другому полу и оно должно естественно расти и крепнуть. То, с чем нужно бороться, это с его эксцессами, бесконтрольностью и т. д. как мы увидим дальше. Сохранение же его неослабленной крепости важно не только индивидуально, это необходимо социально, это неизбежно природно. Пытаться глушить это чувство было бы просто преступлением или к нему может стремиться только тот, кто ненавидит жизнь,—своего рода „Hinter weltler".

К сугубой осторожности нас призывает здесь даже сама природа человека; целый ряд современных научных исследований развития юного человека приводит к выводу, что задержанная или запоздалая половая зрелость неблагоприятна не только для умственного развития вообще, но она в частности очень неблагоприятно отзывается на школьной успешности. Таким образом, если бы даже мы и могли оказать известное влияние на темп развития полового созревания и полового чувства, нам необходимо самым серьезным образом учесть все возможности, особенно же то, что для душевного роста индивида создается наиболее благоприятное условие тогда, когда половое созревание совершается во-время и неослаблено никакими искусственными мерами. Факт этот настолько многозначителен, что мы приведем интересные данные американского автора Книга (The high school age, p. 40 и сл.), который на основании своих и чужих исследований утверждает, что юные люди, запоздавшие в своем созревании до 15—16 лет оказались и умственно менее развитыми, чем их сотоварищи, которые к этой поре уже прошли через половое созревание. Для иллюстрации приведем одну из его показательных таблиц:

Незрелые девочки $12^1/_2$ — 13 лет дали 56% успешности.

Созревшие и созревающие $12^1/_2$ — 13 л. дали 69% успешности.

Несозревшие девочки 13 — $13^1/_2$ л. дали 60 % успешности.

Созревающие и созревшие 13 — $13^1/_2$ л. дали 80% успешности.

Несозревшие мальчики 14 — $14^1/_2$ л. дали 53% успешности.

Созревающие и созревшие 14 — $14^1/_2$ л. дали 72% успешности.

Таким образом, как ни кажется соблазнительной мысль отодвинуть половое созревание до того момента, когда индивид окрепнет, приблизится к взрослости и окажется способным без вреда для себя и потомства жить половой жизнью, — как ни соблазнительна мысль таким путем разрешить больной вопрос о половом воспитании молодежи, она должна быть отвергнута, если бы даже современная наука дала нам к этому средства. Так как устранение этого фактора невозможно, дать ему простор для свободного выявления мы тоже не можем, то остается только одно,—подумать о том, чтобы не ослабляя этого фактора до поры до времени ввести его в русло претворенных выявлений.

Нужно хорошо отдавать себе отчет, что перед нами — естественный фактор и если ранее половое развитие и жизнь губительны, то и задержки и исключение не обещают ничего хорошего. Линия нашего педагогического поведения по отношению ко всем формам естества вполне четко определяется формулой „природа должна поступить под контроль культуры“ или должна неминуемо привести к ущемленным эмоциям, к психозам, извращенности и т. д. Капитал половой энергии должен до поры до времени сохраняться в неиспользованном напряжении, он должен дальше тратиться более или менее подконтрольно и бережно, но он должен расти и накопляться, иначе вместе с ним окажутся подорванными связанные с ним культурно-творческие возможности и боевой пыл борца за лучшую жизнь.

В этом пункте у нас не должно быть неясности. То, к чему мы стремимся и должны стремиться, это оградить юного человека до полной зрелости от преждевременно расцветающих прямых половых выявлений жизни, отодвинуть начало прямой половой жизни, дальше создать стремление и вкус к более

устойчивым, неслучайным половым сочетаниям и умение чувствовать и сознавать связанную с половой жизнью социальную ответственность. Таким образом, дело сводится к сохранению всей широты половой мощи, но так, чтобы индивид обладал силой справиться с собой, умел разрядить напряжение в иных направлениях, о чем будет итти речь дальше.

К сожалению, все дело до сих пор рисуется так, как будто надо человека оградить от вторжения какого-то отрицательного фактора и только. Между тем здесь есть и положительная сторона: надо воспитать это чувство полным, здоровым, неослабленным, но „окультуренным"; культура же вовсе не заинтересована в изгнании или ослаблении этого чувства. Ранняя половая жизнь связана с растратами большими, чем должен затрачивать организм в нормальном, зрелом состоянии на эту сторону жизни. Как мы видели, с этим оказывается связанным огромный сложный комплекс функций человека не только физических, но и душевных, а у юного человека он еще не готов; таким образом ранняя половая жизнь разрушает его еще до его завершенности и выводит эту сторону жизни человека на путь голой животности, на путь спадания энергии и ее выявлений тогда, когда она еще не успела достичь своей нормальной сопротивляемости и способности к восстановлению.

Переходя далее от задач полового воспитания к обсуждению путей и средств его, мы со всей энергией подчеркнем их значительную широту в полном соответствии с той „разлитостью", широтой и глубиной, какие присущи половому чувству у культурного человека. Здесь могут существовать очень разнообразные подходы и методы воздействия и попытка исчерпать их должна дать в итоге целую систему общего воспитания характера и физического

воспитания с первых дней существования человека и вплоть до его вступления в широкую жизнь. Речь здесь должна итти о сложном комплексе воздействия на все поведение человека и характер, о просвещении детей и потому о просвещении родителей и взрослых, об отношении к половым запросам созревающей молодежи и т. д.

Все меры воспитания можно было бы с некоторой натяжкой разбить на три крупные группы: 1) прямое воздействие практическими путями, как соответствующее физическое воспитание, воспитание и укрепление сопротивляемости; 2) прямое осведомление и предупреждение путем просвещения; 3) косвенные пути, как воздействие через среду, родителей, школу и т. д. и предупредительные меры. В пределах этих групп, понятно, возможны всякие нюансы,— все зависит от того, кто ведет, в каких условиях и с какими натурами он имеет дело. Здесь больше, чем где бы то ни было в сфере воспитания, можно сказать, что то, что подходит одному, может оказаться совершенно непригодным для другого.

Тем более важно, хотя бы коротко, остановиться на основной черте своего полового воспитания, как она представляется нам наиболее правдивой, считая, что далее ее не трудно будет каждому приложить на свой лад применительно к своим особым условиям. И вот тут мы прежде всего подчеркнем, что центром тяжести воздействия, главным воспитательным средством являются социальные факторы, общество, его нравы, дух и интересы, как и вообще все формы его жизни, как взрослая, так и детская среда, семья и школа; надо помнить, что в центре всего стоит имитативный (подражательный) и бессознательно стимулирующий путь. Путь просвещения, и предупреждения знанием очень ценен, но он не первичен и далеко не всегда дает те результаты,

которых от него ждут. Далее нужно со всей энергией подчеркнуть, что в половом воспитании все усилия и воздействия по возможности должны носить положительный и конструктивный характер, — несравнимо больше, чем отрицательный и критический. Последнее особенно важно потому, что половое воспитание никогда не может и не должно стоять изолированно, оно включено во всю систему воспитания и должно быть всегда положительно воспитательным вообще, кроме того, что оно будет удовлетворять своим специальным задачам. Это относится и к просвещению, о котором Блох говорит, что только знание и воля могут здесь принести спасение. Мы с своей стороны, как мы уже заметили, переносим в этой поре, если останавливаться на ней, центр тяжести в „волю" со всем ее широким нерассудочным окружением, потому что половой фактор является прежде всего не рассудочным, а органически-эмоционально-волевым фактором. Здесь мы поэтому имеем дело не с педагогикой интеллекта, а с педагогикой поведения прежде всего.

Значение указанных нам руководящих принципов усиливается еще тем, что половые ощущения, по крайней мере в среде не только перераздраженной, но и в среде культурного человечества вообще, появляются и дают свои некоторые, хотя бы до известного времени и случая малые, следствия значительно раньше, чем интеллект окрепнет настолько, чтобы воспринять должным образом преподносимое ему содержание. К сожалению, приходится констатировать, даже не переходя в крайности Фрейдовской точки зрения, что ими совершенно определенно и в довольно широкой степени затронуто даже раннее детство. Интересные данные в этом отношении дает анкета Гельмана 1922 г., хотя нужно

при этом считаться с тем, что в такой анкете опрашиваемые могут отметить только такие проявления из раннего детства, которые: 1) так или иначе заметно выявились, 2) были осознаны и 3) остались в памяти; все то, что протекало в полутьме, учету не поддается. И тем не менее 15% опрошенных констатировали появление половых ощущений у себя в возрасте от 5 до 10 лет. Гельман [1]) находит, что „от 50% до 75% всех мальчиков все вступают в сферу половых ощущений, не будучи для этого подготовленными ни физически, ни психически, раньше полового созревания, которые при гармоническом развитии должно было бы принести и первое половое ощущение". Семья и общество делают много для этого раннего проявления. Это ясно выявилось уже в том, что деревня оказывается в преимущественном положении в этом отношении, — и не только потому, что там все проще, естественнее, что во многом воспитательницей выступает мать-природа и непосредственный труд, но там нет угара, пряностей, извращенности и уличного яда в такой мере, как в городе. Поэтому и вообще там этот вопрос разрешим проще и легче, чем в городе, хотя у нас нет оснований во всем идеализировать деревню.

5. Проблема воздержания.

В этой же плоскости должна рассматриваться проблема воздержания. После жарких споров, к сожалению, главным образом только в медицине, когда этот вопрос особенно важно было бы обсудить психологам - педагогам, мы теперь начинаем приходить к более или менее устойчивым выводам.

---

[1]) „Половая жизнь современной молодежи. Опыт социально-биологического обследования". Госиздат, 1923, стр 20.

Прежде всего признаем возможность исключений и отклонений, признаем право индивидуальных влечений, индивидуальность органических условий. Нужно учесть, что часто в наших условиях создавалась и создается половая распущенность с детства, и возникают такие условия, в которых нужен совет и помощь врача. Но эта сфера индивидуальной и социальной паталогии. Мы же здесь интересуемся только нормальным типическим положением.

И вот тут мы, как это ясно из предыдущего должны решительно подчеркнуть, что воздержание до 20-летнего возраста возможно, полезно и необходимо не только по признанию медицинских авторитетов, но оно диктуется всеми мотивами социально-психологического свойства. Тем не менее оно будет полезно только тогда, когда оно будет не просто вынужденным, внешним, а когда оно будет поддерживаться всем внутренним существом чѣловека. Я имею в виду в данном случае, что индивид находит в себе внутренние силы и интересы, которые помогают ему временно претворять половое стремление в сублимированное стремление, в труд, вдохновение, в общественные интересы, а не простое подавление, которое всегда ненадежно. Если этого нет, то внешнему воздержанию сопутствует внутреннее горение, распущенность фантазии, непрекращающиеся позывы, и вполне понятно, что такое воздержание есть не только мука, но и подготовка катастрофы или в форме прорыва к разврату, или к онанизму и т. п.

Воздержание таким образом должно быть сделано психологически возможным. В этом отношении дело не за врачем, как обычно думают, а за психологом-педагогом. Ст. Холл приводит знаменательные слова своего учителя, крупного физиолога, — слова, которые звучат серьезным предупреждением в этом

отношении, „на протяжении ряда лет около 0,9 душевных процессов у юных людей сосредоточиваются вокруг пола и половых функций, если мы им дадим широкое толкование". Таким образом, дело не только во внешнем воздержании, а прежде всего необходимо соответствующим образом организовать психику юных людей. В центре этой организации должно стать авторитетное заявление таких крупных специалистов, как Блох, который говорит: „Возможно для каждого здорового человека — и это является повелительным требованием индивидуальной и социальной гигиены, — провести совершенное воздержание от полового общения, по крайней мере, до 20-летнего возраста". Это воздержание должно стать не только физически возможным, но и психически необходимым. Это дело педагога и педагогических факторов.

В противовес мощному порыву естественного фактора надо найти другой естественный фактор, который уравновешивал бы его до поры до времени, не уничтожая и не ослабляя его. Конечно, сознательно никто не захочет сделать себя более слабым, — это гарантируется инстинктом самосохранения и теми же половыми интересами. Все мы должны ясно понимать, по фигуральному выражению одного автора, что тот, кто слишком рано побывал в горе Венеры, никогда не сможет испытать мощи и глубины ощущения жизни, какая открывается человеку, нерастратившемуся преждевременно.

Таким образом вполне ясно, что воспитание половой нетронутости до известной поры, так называемого целомудрия, есть одна из необходимейших задач полового воспитания. Нужно отметить только, что уже здесь мы сталкиваемся с фактом, который имеет огромное значение для всего полового воспитания: в отно-

шении нерассудочного фактора нельзя полагать больших надежд на рассудочные пути, такие надежды — старый все еще бредущий за нами в педагогике предрассудок и пережиток интеллектуализма.

О роли и мощи полового просвещения, куда направляет большую часть своих надежд литература по половому воспитанию, будет речь дальше. На одно обстоятельство я хотел бы обратить внимание читателя. Мало требовать целомудрия, надо сделать его возможным. Мы знаем, что от воздержания, хотя бы и на всю жизнь, люди не умирают, но у них многое умирает, что незаметно для глаза, нечто невесомое. Но, кроме того, тот, кто ставит в проповеди целомудрия и чистоты явно невыполнимые и часто ненужные и не гибкие требования поступает в конце концов немногим лучше, чем тот, кто толкает прямо к разврату. Это общая судьба неумолимых, слишко ригористичных проповедников и моралистов. Сознание, что данные требования непосильны, невыполнимы, может легко заставить махнуть рукой на все призывы и увещания, так как ведь „все равно ничего не выйдет". К числу таких заветов, напр., надо отнести и ту мысль, которая требует: „чти жену, сестру, дочь ближнего, как ты хочешь, чтобы чтили твою жену, сестру, дочь". Этот прекрасный лозунг легко может превратиться в явную фальшь и жизненно неправильное указание, если ему придадут характер не просто почитания и уважения. Речь идет о том, что не желай неуважительно, легковесно, безответственно женщины, как и женщине возбраняется желать мимолетно, безответственно мужчину. В иной форме это нежизненный антипод Санинско-арцыбашевской морали, и он остается не только бесплодным, но подает повод к грязным шуткам. С точки зрения здорового неиспорченного

ни в ту, ни в другую сторону чувства у здоровых, молодых, сильных людей должно быть стремление к женщине, серьезное, полное, разлитое, связанное с чувством своей ответственности, а к дочери, сестре их может испытывать только явный выродок, хотя бы он и был одет с известной талантливостью в литературное одеяние. Есть запретительные и просветительные меры, которые хуже всяких призывов.

Таким образом, индивидуальные отклонения от указанной нами нормы в 20 лет возможны: есть люди, которые легко проводят воздержание до полной мужской зрелости в 25 и 30 лет; но есть люди, которые не в силах справиться с собой и в 18 лет. В таких случаях, если не помогает совет врача и педагога, нельзя во имя догмы жертвовать жизнью; в этом случае остается только одно: помочь войти этой стороне жизни юного человека в норму, в устойчивое сочетание с принятием на себя и ответственности за этот союз. Заметим, что, конечно, такие чересчур ранние браки нежелательны по целому ряду соображений, но они здесь являются печальной необходимостью. Высмеивание и негодование по отношению к таким юным супругам является роковой ошибкой, которая никому ничего не дает, кроме порчи жизни для всех сторон. Можно только пожалеть, что современные условия борьбы за существование во всем культурном мире мешают по социально-экономическим причинам нормальным своевременным брачным союзам и все дальше отодвигают (в Западной Европе определенно) возрастную границу для брака. Это вносит в итоге свою лепту в разврат, проституцию и т. д., и о такие реальные преграды разбиваются часто все проповеди и просвещение, как и индивидуально в добрую сторону направленная воля. В учете таких индивидуальных отклонений очень большое значение имеет та

„власть мертвых", которую мы именуем наследственной отягощенностью; многие и многие несут в себе плоды „грехов отцов"; как это ни парадоксально звучит, а мы свою жизнь по действующим в ней факторам должны считать не только с того момента, как мы фактически индивидуально начали творить свой опыт; социальные, родовые связи ведут нас дальше и дают отражение во многих случаях в куда более значительной форме, чем индивидуальная сознательная воля. Об этом никогда не следует забывать. Мы далеки от фатализма, но мы считаем правильным подчеркнуть эту сторону в противовес „просвещенцам".

6. О некоторых источниках ранней распущенности и возможности их устранения.

Чтобы успешно бороться с ранней половой распущенностью и указать необходимые средства, нужно вдуматься в источники, из которых рождается раннее вступление в половую жизнь или во всяком случае преждевременный интерес к ней. Мы возьмем здесь, так сказать, обиходные, обычные причины, ведущие к данному злу, оставляя обсуждение коренных факторов до следующих глав. Этим, конечно, нисколько не умаляется значение трактуемых нами в данной главе явлений.

Чтобы оценить всю серьезность положения и необходимости борьбы за половое оздоровление, нет нужды прибегать к особым доказательствам. Достаточно вглядеться в окружающую жизнь, чтобы понять это явление во всей его грозной остроте. Нет нужды прибегать к особой статистике, чтобы установить, что огромная масса молодежи вступает в сферу половой жизни не только до брака и до 18—20 лет, но что очень велико число тех, кто начинает жить

этой жизнью с наступлением первой поры отрочества. Не надо забывать, что естественные причины заставляют большинство скрывать свои первые проступки такого рода или считать их „ненастоящими". Целый ряд жизненных наблюдений наводит на очень пессимистические мысли. Беседы с врачами соответствующей специальности говорят не только о чрезвычайно ранней жизни этой сферы у мальчиков, но указывают на то, что аборты у 14—15-летних девочек перестали быть исключительными явлениями и не только в больших городах. Именно в нашу эпоху или сравнительно недавнюю возникла теория, настаивающая на существовании половых ощущений даже у грудного возраста.

Таким образом получается картина не из радостных и встает вопрос, чем создается это печальное явление?

В редкой сфере выявляется так ярко связь поколений, неизолированность индивида даже в самых глубоких тайниках его переживаний, как в этой. Дети несут в себе уже с первых лет „грехи и подвиги" своих отцов и дедов, являясь в мир уже в достаточной мере нагруженными известными отрицательными и положительными шансами. При том хаосе сочетаний полов, при полной бесконтрольности браков в отношении пригодности для здорового деторождения во всем культурном мире тысячи больных, психопатов, уродов, полоумных и даже идиотов шлют в жизнь новых людей, заранее обреченных и отягощенных всякими уродливостями, в которых склонность к половой распущенности, к раннему пробуждению половых позывов и ко всякого рода извращенностям играют первую и уже во всяком случае чрезвычайно заметную роль. Конечно, наследственность не приходит непременно к нам как рок, она является более или менее сильным

предрасположением, развертывающимся в действительность, как только для него наступают благоприятствующие условия. Но при современном укладе жизни культурного мира и обстановки, в которой вырастают дети, в отрицательных условиях нет недостатка, и потому часто наследственная отягощенность становится роковой обреченностью, от которой фактически нет спасения.

Дело врача и медицины искать путей, как вести наиболее целесообразно борьбу с такой патологической стороной нашей общественной жизни. Но ясно, что как бы далеко они ни шли в выработке мер оздоровления таких отягощенных, все-таки основным вопросом в этом случае остается задача достичь того, чтобы не создавалась сама причина, чтобы не рождались отягощенные люди, еще не родившись, уже обреченные на гибель и страдание себе и другим. Через тысячелетия следом за нами идущая проблема здорового деторождения, так ярко и решительно отмеченная еще в IV веке до р. Хр. Платоном, должна быть подчеркнута и нами здесь в интересах педагогики и культуры, потому что мы часто вынуждены бороться с следствиями, а не с тем источником, из которого они возникают, и потому терпим постоянно одну неудачу за другой. Тому, кто трактует вопрос о здоровом половом воспитании, необходимо ясно сознавать основное значение этого фактора; большинство думает, что главную роль в борьбе с вырождением должна принадлежать врачу, тем не менее мы со всей энергией подчеркиваем, что роль педагога здесь во всяком случае необычайно велика, если педагогическое дело будет взято во всей широте его социального назначения. Отсюда для педагогики рождается задача воспитания родителей, настоящих и будущих, и мы надеемся дальше отметить, что если где половое просвещение имеет особый смысл,

то это в применении к воспитанию родителей, к проблеме деторождения, к взрослым.

В самой природе полового фактора, в том, что он не рассудочного порядка, что это естество, чувство, что здесь в центре физиологический процесс, лежит основание того, что следом за указанием значения наследственности и нездоровых условий деторождения, например, в опьяненном или истощенном состоянии, идет учет чисто объективных условий. Литература по вопросу о половом воспитании детей так подробно останавливалась на них, что мы в данном очерке можем ограничиться общим обзором, так как положение здесь обрисовывается само собой.

Поскольку речь идет о детях, часто роковое значение приобретают чисто механические причины, способные явиться побудителями к ранним половым позывам, к нездоровому интересу к половым органам и т. д.

В истории педагогики мы находим богатый арсенал указаний мелких, но полезных средств для здорового воспитания и в половом отношении: там мы находим указания на то, как важна не слишком мягкая постель; хорошо освеженная перед сном комната; как важно никогда не наедаться перед сном, не ложиться с переполненным желудком; также важно особенно с раннего детства приучать к тому, чтобы не спать ничком, во время ложиться, быстро вставать, так как длительное пребывание в постели раздетым легко может стать поводом для разглядывания себя, потрагивания и т. д., а главное — не держать руки под одеялом, что является огромным соблазном у детей для нездоровых манипуляций; не менее существенно нормальное, нестесняющее и не режущее в паху платье, побуждающее детей ко всякого рода подергиваниям и исправлениям,

приводящим к соприкосновению с половой сферой и раздражающих механически.

Далеко не последнее место занимает состав пищи, возбуждающей и пряной; на этот момент устранения раннего возбуждения у детей следует вообще обратить внимание, особенно же на возбуждение неудачно выбранной пищей, в которой часто щедро представлены всякие острые и пряные вещи, безобидные, может быть, для устоявшегося взрослого организма и вредные для еще не успевших окрепнуть детей; в этом отношении в массе мы идем поразительно беззаботно. Общая точка зрения устанавливает, что растительная и молочная пища для детей долгое время должна быть преобладающей. Хотя в наше время очень любят повторять, что „человек есть то, что он ест", но, к сожалению, этой мыслью больше пользуются в философии, чем в широкой обыденной жизни, а было бы куда лучше, если бы было наоборот. Присмотритесь к миллионам людей и вы увидите, что даже там, где есть, что есть, они совершенно произвольно и неправильно организуют свой стол и питание не только для себя, но и для своих детей. В этом отношении характерны общественные столовые, рестораны, где все направлено на „вкусность", но не стоит ни в какой связи с вопросом о рациональных здоровых сочетаниях. Миллионы вершительниц судеб питания не имеют об этой стороне народной и семейной жизни ни малейшего представления. В итоге мы дальше боремся с целым рядом тяжелых явлений, которые просто и легко могли бы не быть, и на них не зачем было тратить время. А между тем попробуйте поискать просто и авторитетно написанную книжку, которая научно и разумно освещала бы для широких кругов вопрос о том, как надо питаться. В этом смысле трудно представить себе все огромное значение профилактики в этом направлении. В сущности,

поваренная книжка — пресловутый „подарок молодым хозяйкам“ — в социальных интересах должна была бы быть написана не одним поваром или опытной хозяйкой, а под руководством и при самом непосредственном участии авторитетного и опытного врача-специалиста; такая книга заслуживала бы распространения в миллионах экземпляров и предупредила бы и избавила бы в самом начале от многих бед, с которыми нам приходится бороться тогда, когда это уже или безнадежно, или же очень трудно.

Можно отметить и многое другое: нечистоплотность, особенно в половой сфере, зуд, неровная постель, создающая нажимы, ненормальные внутренние причины, как глисты, запоры, брожения всякого рода и т. д., могут дать нежелательные возбуждения.

В современной ее постановке школа обещает понемногу в медленном процессе переустройства уйти от исключительного длительного сидения и внести больше движения в школьную жизнь детей. Но все-таки для более старшего возраста этот элемент в известной степени останется. Pringle приводит и в американской жизни такие данные: в 1840 г. средний гражданин Соединенных Штатов получал только 280 дней школы; в 1870 г. эта цифра повышается до 582 дней, а к нашему времени она превышает 1.200 дней. Все это количество падает главным образом на пору детства и юности и сопряжено пока с неизбежным длительным сидением, вызывающим застой и возбуждение в нижней части туловища. Сюда же нужно отнести тяжелое влияние переутомления. Многие подчеркивают крайне вредное действие сидячего образа жизни. Но пусть на этом более подробно остановится врач-педагог. Мы же обратимся к другим сторонам социально-педагогического и психологического свойства.

Если мы с физической и физиологической стороны должны стремиться оградить детей от перевозбуждения нераздражающих средств, то то же самое по вполне оправданной аналогии необходимо перенести и на их культурную и общественную жизнь. Все острое, пряное, возбуждающее и здесь неподходящая пища для детей. В этом отношении город творит прямо разрушительную работу: погоня за зрелищами часто весьма сомнительного свойства, поздние вечерние удовольствия, весь поток городской жизни со всеми ее явными и плохо прикрытыми сторонами прокатывается через детей, оставляя там массу побудителей к половому возбуждению. Но к этому вопросу мы вернемся дальше.

Насколько в области здорового воспитания детей в половом отношении приходится быть осторожными это показывает следующий факт: здравые требования гигиены говорят о необходимости избегать лишних покровов на теле; детям хорошо предоставлять возможность ходить и играть даже обнаженными, хотя и здесь с медицинской стороны справедливо оспаривают целый ряд крайностей. Но здесь кроется и большая педагогическая опасность. Опыт и опросы показывают, что оголенность вообще является большим соблазном для подрастающих детей. Интерес к половой сфере поддерживается самой природой, она его выделила и отметила физически. Ссылки на античность отдают курьезом, потому что мы живем иными критериями, иными требованиями и в совершенно иных условиях. При всем том, наш взгляд на половую чистоту и воздержание далеко не совпадает с тем, что было в Греции. Дети, как известно, проявляют неприкрытый интерес к половым органам, к особенностям мужского и женского тела и легко могут вступить здесь на крайне нежелательную почву. Поэтому в Западной Европе

вполне правильно настаивают на том, чтобы половая сфера оставалась прикрытой даже у маленьких детей, чтобы избегать при солнечных ваннах, при играх и т. д. даже внешнего побуждения к заинтересованности этой сферой. Дыхание и свобода тела от такого частичного прикрытия не пострадают, но зато дети избегают лишнего соблазна.

На этот же путь указывает еще и другое соображение. Как известно, половые органы обладают также некоторыми индивидуальными отклонениями. Юные люди, невольно и вольно разглядывая друг друга, констатируют ряд особенностей, поселяющих в их душе сомнения и тревоги или, наоборот, своеобразное тщеславие. Холл отмечает, что в Соединенных Штатах на эксплоатации этих недоумений и тревог юных людей создалась целая промышленность, снабжающая средствами „помощи" и разъяснениями; этот автор отмечает, что молодежь часто вводит в заблуждение величина, искривление ствола, некоторое отклонение формы груди и т. д., сами по себе вполне нормальные явления, но сравнение себя с другими, более развитыми и уверенными индивидами приводит иногда к печальным выводам, подкрепляемым часто необоснованными товарищескими насмешками.

Тщеславие и бравада, как источник половой распущенности, также заслуживают быть отмеченными. Дальше, перейдя к вопросу об использовании детского общественного влияния, мы приведем пример таких эксцессов. Желание быть „большим", взрослым часто приводит к нежелательному и невызванному действительной потребностью стремлению „ухаживать" и т. д. Из этого источника, как известно, рождается и курение табаку. Красование, кокетство также являются настоящей наклонной плоскостью: начав с невинного желания иметь успех, быть вообще

привлекательной или увлекательным, дальше в погоне за успехом начинают прибегать к все более отрицательным средствам и прежде всего к сфере полового воздействия и проявления. Поэтому естественное для молодежи охарашивание и желание нравиться не должно рассматриваться как явление, которым можно пренебрегать или тем более поощрять его. Наоборот, можно было бы рекомендовать — особенно в отношении тех юных людей, у которых эта сторона отвлечения или ограничения, например, путем простой одежды, соответствующей обстановкой помещения и т. д.

Если в этих проявлениях можно было бы подчеркнуть повышенный интерес к себе и другим, хотя бы и внешнего порядка, то естественно отметить крайне вредное влияние противоположных явлений, знаменующих отсутствие интереса. Таково влияние тоски, пустоты, бессодержательности, обыденщины, серости, праздности. Юность всегда в большей или меньшей степени будет стремиться к ярким проявлениям, к прорыву в необычное и вот в этом случае там, где нет достаточного материала, чтобы удовлетворить эту потребность, легко может увлечь половая сфера с ее волнениями и запретными, и потому особенно увлекательными, радостями. Трудно себе представить более нелепую мысль, чем „скука есть отдохновение души“; особенно нелепа и пагубна эта мысль в применении к юным людям. Там от скуки и тоски, обыденности рождаются неисчислимые промахи и приключения, и ясно, как важно педагогу и родителям устранить возможность у детей таких пагубных состояний.

В числе путей здорового воздействия, подкрепляемого и интересами общего воспитания, особенно важно отметить здоровую физическую культуру, образование крепких, стойких мускулов, выдержан-

ных нервов, — всего того основного аппарата, который имеет огромное значение для выработки характера и волевой стойкости вообще и повышения чувства жизнерадостности и жизнеспособности. Необходимо только в этом случае, чтобы юные люди находили здоровые возможности разрядить накопляющиеся у них силы. Это единственная форма, в которой может здоровым образом сохраняться человеческая сила и жизнеспособность — расходуясь и восстанавливаясь.

Необычайно ценным в этом отношении являются не только все формы посильного и занимательного физического труда, но особенно заслуживает быть отмеченным путь экскурсий более или менее длительных, это тот элемент, о котором так много писали в мировой педагогической литературе под названием путешествий. Такое путешествие, особенно пешее, с большой сменой впечатлений, с приятной (нечрезмерной) усталостью, с хорошим сном и отдыхом после этого — с захваченностью новизной и преодолением и с той тягой к новизне и некоторому авантюризму, которые всегда имеются в таких путешествиях, окажется благотворным средством, если оно будет обставлено здоровой задачей, а не бесцельным шатанием, и непременно здоровым обществом-компанией, т.-е. в здоровом социальном окружении. Сами юные люди указывают нам на этот путь тем, что они в период полового созревания и отрочества особенно с большим увлечением берутся за чтение о путешествиях и приключениях, о проявлениях силы, физической и душевной, героизма, самопожертвования, находчивости и т. д.

Занятость, труд и интерес должны быть непременным элементом каждой юной жизни, как и человеческой вообще. Без этого аромат, чувство жизни улетучивается, а так как юность на этом остано-

виться не может, то она и компенсирует себя на скользких и губительных путях.

Такое соскальзывание тем более возможно и становится тем легче, что юный человек вростает в уже достаточно испорченную среду, о чем мы дальше побеседуем особо, и получает от нее богатые стимулы и освобождение от стеснительности, стыда и целый арсенал всякого рода невежественных представлений, в том числе и из области физиологического и медицинского толкования следствий разврата и венерических болезней, как и вообще о недомоганиях в области половой сферы, часто ничего общего не имеющих с половой распущенностью. В последнем случае такими „просветителями" являются не только товарищи, но часто взрослые, не умеющие подойти достаточно разумно к таким переживаниям юного человека, толкают его на помыслы о том, о чем он сам, может быть, и не подумал бы. Такую картинку рисует следующий случай, пережитый видным литератором и сообщенный мне им самим: ему было 13 лет, до этой поры сексуальные позывы его не беспокоили, он был всецело поглощен своими переживаниями частью в связи со школой, частью с хорошей товарищеской средой; он жил у дяди; и вот однажды он с ужасом обратил внимание на то, что у него распух половой орган. Вне себя от тревоги, в то же время не допуская и мысли, чтобы посоветоваться об этом с кем-нибудь посторонним, он принялся по собственной догадке то класть компрессы, то мазаться совершенно невероятными вещами, то производить „массаж", сходил с ума от ужаса и беспомощности, плакал, молился и, наконец, настолько выбился из сил, что на него обратили внимание, и дядя вызвал его к себе; по его настойчивому требованию мальчуган пролепетал, что у него болит „это". И вот

в ответ опекун, не проверив и не посоветовавшись с врачом, стал стыдить и бранить юного мнимого грешника, упрекая его в том, что он уже „с этих лет" связывается с беспутными девицами, и допрашивал о целом ряде симптомов, так же о том, где он это „подхватил". Правда, в конце концов, таким путем на сцену явился врач и заверил, что недомогание мальчика не имеет ничего общего с пороком, что припухлость явилась следствием укуса мошки при купании, но у мальчика не только запала в душу тяжкая обида и поругание, но и размышление о новых возможностях, новые наблюдения, в том числе и подмечание любовных, крайне некрасивых похождений самого обличителя. Отсюда по заверению моего корреспондента начался у него явный интерес к сфере половой жизни, и чистота и незамутненность детской мысли и чувства оказалась безнадежно утраченной. Таких примеров можно указать в жизни сколько угодно.

Все это, естественно, приводит нас к вопросу, не явится ли в этом случае своевременное половое просвещение коренным предохранительным средством от половой распущенности молодежи?

Обратиться к этому вопросу тем более оснований, что способность к воздержанию недостаточна, нужно еще, особенно нужно сознание его необходимости, нравственной и жизненной: нужно пробудить у юных людей чувство личной и социальной ответственности в связи с этой стороной жизни, иначе мы ничего не добьемся. Мочь еще не значит захотеть и стремиться [1])... Обратимся теперь к этому вопросу.

---

[1]) По некоторым соображениям мне приходится оставить в стороне вопрос о совместном обучении, как средстве полового воспитания.

7. Половое просвещение, его формы и границы.

На первый взгляд кажется такой простой и естественной мысль, что если бы юные люди во-время и из компетентного и здорового источника узнали, какими следствиями грозит им ранняя половая жизнь и что она несет обществу в целом, они сумели бы уберечься от этой наклонной плоскости, потому что сознательно никто не захочет губить себя. И наше время с большой решительностью и прямотой избирает этот путь. Просмотр современной литературы и размышление над некоторыми практическими мероприятиями ясно показывают, что на половое просвещение юных людей возлагаются самые большие надежды. Оправданы ли они, если оправданы, то в какой мере? Разберемся с этим важным вопросом.

Попутно нельзя не отметить только, что наше время отличается в педагогике в данном случае одной изумительной непоследовательностью: оно безусловно от начала и до конца враждебно настроено к интеллектуализму и рассудочности; давно уже назревавшая в психологии и педагогике волюнтаристическая черта в наше время бесспорно достигла своей вершины и даже нашла себе выражение в дальнейшем продвижении от интеллектуализма и рассудочности в форме психологии поведения и структурной психологии. И тем не менее именно наше время склонно с особенно большой легкостью обращаться к рассудочным, интеллектуалистическим путям и средствам в педагогике, где приходится иметь дело прежде всего с возрастом, у которого уже по существу — даже и для интеллектуалиста — шансы на успех на рассудочных путях очень невелики, так как разум, интеллект детей сравнительно слаб, лишен далеких перспектив и плохо поддается аргументам и мотивам отвлеченного, рассудочного порядка, указующим на

жизненные следствия где-то в далекой жизни, в туманной дали взрослости и т. д.

А меж тем для нас теперь более, чем когда бы то ни было, ясно, что половой фактор не рассудочный фактор, что речь здесь идет не о познавательном установлении той или иной возможности, а о непосредственном переживании, очень бурном и мощном именно в своей естественности и только в сравнительно малой степени протекающем в русле сознания. Поэтому здесь, как вообще везде, где речь идет о борьбе мотивов, о воздействии на волю, на весь характер человека понимание и знание далеко еще не обозначают гарантию соответствующего поступка не только у детей, но и у развитого взрослого человека; они могли бы до некоторой степени определить рассудочную сторону всего сложного комплекса, именуемого половым влечением, но поступки вытекают в этом случае из всей полноты и сложности человеческой натуры, прежде всего физиологической стороны и из всей массы эмоционально-волевых, подсознательных и не осознанных моментов, вызываемых к жизни не рассудочным путем и потому и не поддающихся так просто прямому распоряжению рассудка. Таким образом из самой природы факта вытекает, что интеллектуалистические пути в данном случае не могут претендовать на ту роль, которую им пытаются отвести, хотя мы далеки от мысли отрицать за ними известное значение.

К сожалению, приходится отметить, что односторонность авторов-врачей играет в этой нескладности далеко не последнюю роль. Игнорируя психологическую сторону, сосредоточиваясь преимущественно на физиологической, естественной стороне и фактах, что до некоторой степени понятно у врача, как врача, такой автор, видя одну сторону, думает, что он видит все, что он исчерпал человека его

органом. Так получается несуразная мысль, что достаточно знать, чтобы не делать, — мысль, напоенная скрыто рационалистическим ожиданием всевластия разума, — то ожидание, которое лелеяла еще античная мысль, не дошедшая до ясного осознания волевого фактора и его роли. Если бы такое идиллическое отношение между знанием и поступком было возможно, то не было бы угрызения совести, не было бы проступков, были бы максимум только такие же познавательные промахи, какие получаются у еще невышколенного ума, например, при решении математических задач. Мы здесь не будем развивать эту интересную этическую и жизненно-психологическую проблему. Важно то, что на этой почве выросла и окрепла мысль, что научное, объективное знание сделает свое дело, если юные люди во-время овладеют им, и вот в школу тянутся попытки принести юным людям это знание с большей или меньшей полнотой и обоснованностью. И нас в этом случае как-то не убеждают простые жизненные факты, факты повседневной жизни, странным образом ускользающие от нашего внимания в этом случае, когда они могли бы сказать нам очень много по интересующему нас вопросу. Все мы знаем, что сотни, тысячи взрослых образованных, т.-е. „знающих" людей — о детях и подростках и говорить нечего — на каждом шагу делают то, вред чего им ясен как дважды два четыре: вот перед нами борющийся с собой курильщик табаку, любитель выпивки, для которого вино и физически, и морально гибельно, так как в опьяненном состоянии он совершенно не владеет собой; вот больной, испытавший вред какого-либо рода пищи, прибегает именно к нему, утешая себя мыслью о том, что можно „клин клином вышибать" или что „от одного раза, авось, ничего особенного не сделается" и т. п.

Обращаясь непосредственно к вопросу о половом просвещении, необходимо рассеять еще одно — я бы сказал — тяжелое заблуждение, широко распространенное и дающее богатые отрицательные плоды. Апологеты полового просвещения думают, что речь их, обращенная к разуму и рассчитанная на его учет и регулирование, поступит только по этому адресу и через него ко всему человеку. Но действительность часто показывает иное: в восприятии участвует весь человек и часто то, что обращено к разуму, пробуждает ряд других совершенно неожиданных сторон. Это оказывается тем более возможным, что итог восприятия определяется тем, как будут поняты ваши речи, ваши демонстрации; юные слушатели легко влагают в них свой смысл, свой интерес; они все преломляют и не могут не преломлять через свой опыт, свое „обрамление"; поэтому и их усвоение неизбежно становится своеобразным, в особенности здесь, где каждое слово подкарауливается мощным природным инстинктом, все окрашивающим по своему. Поэтому здесь особенно важно помнить, что разоблачать это вместе с тем значит и обращать на данный факт внимание. Что подметит в данном явлении юный человек и что он вскроет в себе, это определяется не только научным освещением вопроса и тем, чего добивался просвещающий, а общим соотношением индивидуальности, обстановки, опыта, быта и т. д.

И каждый из нас хорошо сознает в конце концов остроту этого вопроса; это ясно видно из того, что даже самые горячие поклонники научного полового осведомления не утверждают, что детям можно сообщить все, касающееся половой жизни. Знание здесь никогда не остается теоретичным, если оно вообще усваивается,—оно неизбежно становится тем или иным переживанием, мотивом, побудителем или

задержкой; оно в этом смысле всегда практично. Особенно важно подчеркнуть, что будет всегда обнаруживаться невольное стремление приложить все эти мысли и сведения к себе и сопоставить их с тем, что данный юный человек ощутил или ощущает в своем опыте, вообще поинтересоваться — чаще всего с жгучим, жутким интересом — своим переживанием, своей нормальностью или ненормальностью и т. д. Этим и объясняется то, что опасность преждевременного обострения интереса к полу на пути просвещения чрезвычайно велика; мысли здесь легко затронут дремлющие инстинкты и попадут при их слабой сопротивляемости у детей в их власть, а половой инстинкт, как правильно отмечает Ферстер, сам уличный мальчишка. Но в области полового восприятия правильно говорят, как Прингль, что в „одном отношении естественное функционирование половых органов и инстинктов подобно пищеварению: чтобы быть наиболее естественными и здоровыми, они должны привлекать к себе мало внимания". Вот почему некоторые предостережения и осведомления могут оказаться неожиданно не предостережениями, а побудителями к эротическим представлениям и к похотливости.

На этой возможности, способной родиться в итоге научного просвещения, под которым обычно понимают, как нечто бесспорное, анатомо-физиологическое осведомление, стоит на момент остановиться. Мы раньше характеризовали природу культурной, человеческой формы полового чувства, как явление сложнее, как „разлитое" переживание, и уже тогда отметили, как важно сохранить эту культурную усложненность с педагогической точки зрения. И вот оказывается, что естественно-научное просвещение в той форме, как оно намечается у нас, начинает именно с оголения чисто животной стороны, открывая

этим простор для всякого рода следствий и отказываясь от тех преимуществ, которое нам дает свойство „разлитости".

Как ни ценны знания по анатомии и физиологии человека, но изолированные попытки дать в таком курсе отдел „половые органы и их функции", как предлагают некоторые авторы-врачи, при обращении к детям и подросткам, вступают неизбежно на чрезвычайно опасную почву. Всякое такое описание и изучение само по себе говорит только о том, что это именно половые органы, что их назначение — служить половому акту и, следовательно, и звать к нему. Таким образом в самом этом знании нет достаточных сдерживающих гарантий и даже приправа из гигиены не меняет радикально всего положения. Трудно представить себе взрослого человека, который умерял бы свой половой жар и пыл чтением книг по анатомии и физиологии и рассматриванием рисунков из области половой сферы. Это будет большею частью или большой оригинал, или психопат, или циник, или подлинный мученик — самоистязатель. А вот по отношению к детям и подросткам эта нелепость считается применимой, хотя здесь она уже перестает быть курьезом и становится грозной опасностью, частенько бросая искру в пороховой погреб.

Здесь есть еще и другая сторона: постоянные речи о человеке с голо анатомо-физиологической, естественно-научной точки зрения, о нем как о животном, легко заставят юных людей проглядеть, что у него есть воля и большая способность к задерживающим функциям, а не только возможность простого соскальзывания в соответствующее переживание, раз нет для этого внешних препятствий. Когда человек впадает в такое состояние, что переживания валятся на него как из мешка, то мы правильно

говорим, что он опустился, дегенерировал и впадает просто в животное состояние. Меж тем в голом анатомо-физиологическом освещении, в описании status quo человек только животное, но тогда всякое обращение к его уму и воле излишне: естество организуется, регулируется законами, но призывы и предостережения ради человека самого могут быть обращены только к человеку.

Попутно отметим и еще одну ложную ноту на этом пути, если он абсолютируется: здесь скрыто создается такое положение, что человек выдвигается как животное и во всяком случае на него распространяется тот же естественный закон, и вот так как культурная усложненность оказывается в таком естественно-научном освещении отброшенной, на фоне отдела „половые органы и их функции" становится возможным только один закон, — закон животного, закон естества, а он говорит ясно, что с наступлением половой зрелости девочка может быть матерью, а мальчик — отцом, и мы только счастливой непоследовательностью обеих сторон, просветителя и просвещаемых, можем спастись от уничтожения того дела, которое мы стремимся наладить. Этот вывод, конечно, не высказывается прямо, хотя наша беллетристическая литература, например, не раз высказывала его и возвращается часто к нему и теперь; тем более ясно, что юные люди сначала не сознают его, но они хорошо чувствуют его и это, конечно, не может не дать в дальнейшем свои следствия.

Чрезвычайно трудно учесть, к каким результатам привело такое научное половое просвещение на опыте, потому что итог создается комбинированными условиями всей жизни индивида и его среды; трудно установить, какие достижения должны быть отнесены именно на его счет, и затем итоги эти

обнаруживаются, естественно, значительно позже и теряются в общей сети, сплетенной жизнью в характере индивида и его поведении. Но некоторые черточки мы можем отметить и теперь.

Экснер, обследовавший достижения в этой области в Америке, пришел к выводу, что раннее просвещение „отравило ум, развратило воображение, повысило чувственность". И. С. Симонов приводит в своей вдумчивой работе [1]) указания самой молодежи, что, например, прочтение книг по половому вопросу только подливало масла в огонь. И это вполне понятно, потому что те, у кого спит половое чувство, за эти книги не берутся, а за них берутся те, у кого началось половое беспокойство, но для них особенно вредно и опасно чисто рассудочное, изолированное интеллектуальное просвещение, связанное с разложением „разлитости" человеческого полового чувства. По словам того же автора, один юный объект просвещения, горько жалуясь, сказал: „Зачем вы мне давали читать эту книгу?" (речь идет о книге Тарновского „Половая зрелость", являющейся серьезной деловой работой. *М. М. Р.*). С тех пор стал чаще думать, и ночью мне снятся женщины с известными последствиями". Другой, прочитавши ту же книгу, приехал после лета с венерической болезнью и в растерянности твердил врачу: „Лучше поменьше говорить и читать об этом". Тот же И. С. Симонов правильно напоминает о предостерегающем смысле анкетных данных среди московского студенчества, из которой выяснилось, что чтение литературы по половому вопросу в четыре пятых (81%) оказало влияние „далеко не всегда благоприятное" на половую жизнь, а в 33% — „по-

[1]) И. С. Симонов. „Школа и половой вопрос", 3 изд. „Начатки знаний", Ленинград, 1923.

давляющее и развращающее". Невольно хочется напомнить о мастерском рассказе Чехова о том, как вернувшийся из города в монастырь игумен описывал своей братии и громил ужасающие картины городского разврата и как к концу его патетического повествования перед ним не осталось ни одного монаха: все убежали в город. В этой трагической шутке много глубокого психологического жизненного смысла. Здесь перед нами огонь, а с огнем не шутят.

В связи с этим я не могу не привести еще один отклик, представляющий подлинный жизненный документ: в собранном мною материале по психологии и педагогике отрочества и юности [1]) есть отклик одного студента-естественника, кончающего университет, крестьянина 21 года; этот отклик, написанный год тому назад, отнюдь не единичное явление. Если мы примем во внимание, что все это пишет человек высокого интеллектуального уровня, как это видно из всей его исповеди, что этот человек был в описываемую им пору „первым учеником", способным, быстро развивающимся юношей, то становится просто страшно за молодежь, тем более, что ответ дышет глубокой искренностью. Вот он дословно: „Я с раннего детства знал все тайны пола и даже не помню, когда я впервые узнал о том, что мне можно было узнать гораздо позже, и при том знал все это в самой грубой форме. Слышал всякие разговоры взрослых и неоднократно был свидетелем половых актов пьяных людей. О животных уже не говорю... Годов 12-ти стал заниматься онанизмом... Вспоминаю то время с ужасом и отвращением. Умоляю Вас, профессор, ради будущих поколений, обратите как

---

[1]) См. М. М. Рубинштейн и Б. Е. Игнатьев „Психология, педагогика и гигиена юности", изд. „Мир", Москва, 1926 г

можно больше внимания на эту сторону в своих работах. Помните, что я не один, — наоборот, я — общее правило, а исключения очень редки". Что касается нравственных понятий строгости, требовательности, максимализма и т. д., то „все, все наоборот! Невообразимая распущенность! Я с презрением относился к слову „мораль". Все книги о морали, какого бы содержания они ни были, я толковал в сторону „свободы любви", т.-е. распущенности. Так, например, „Крейцерова соната" Толстого, прочитанная мною 14-летним мальчиком, принесла мне огромный вред в смысле утверждения моих антиэтических понятий. Думаю, что все книги о „любви" как-то: Арцыбашев, Куприн, Толстой, различные книги о браке, половой жизни, лечебники венерических болезней и т. п. приносят отрочеству только вред, так как пробуждают преждевременно половое чувство и ведут к онанизму и разврату... Всем похотям юного и без того развращенного организма я находил оправдание как в книгах, так и в принесенных революцией новых взглядах на этику"...

Как бы это странно ни прозвучало, приходится отметить еще одну очень тяжелую сторону. Ряд очень авторитетных исследователей интересующего нас вопроса отмечает, что часто просветители, авторы таких „описаний", бессознательно удовлетворяют в этом своей собственной сексуальной потребности, что скольжение в этой щепетильной сфере доставляет им неосознанное специфическое удовольствие. Конечно, ни один из них, за исключением прямых половых психопатов, этого не признает, потому что это идет из сферы бессознательных побуждений, но в ряде признаков, в чтении, в рисунках, в характере изложения и т. д. внимательный наблюдатель может подметить эту сторону. Этот факт подтверждает Блох на основании своего опроса и обсле-

дования. Кто читал работу Блоха и Фореля, тот знает, какая огромная разница между ними не в пользу Фореля не только в содержании, но и в общем тоне, при чем моральный пафос часто только оттеняет сексуализм самого автора. Если это явление возможно у просветителей, то ясно, как сугубо осторожным надо быть в среде юных людей, к которым направлен просветительный материал.

Эту необходимость повышенной осторожности чувствуют все. Это ярко сказалось в исканиях своего рода предохранительных клапанов, обезопашивающих половое просвещение от взрыва. Дело дошло, например, до того, что некоторые додумались не только до раннего полового просвещения в детстве, когда половой инстинкт еще молчит, — по предположению этих лиц, — но нашлись инициаторы проведения такого просвещения на трупах: они думают, что перед трупом все дурные помыслы вылетят надежно из головы и вместе с тем вообще умерится навсегда чрезмерный половой пыл. Я не знаю, проводились ли такие опыты в жизни, но обсуждать их серьезно с педагогической точки зрения невозможно.

В наше время ряд врачей выступил не просто с проповедью просвещения, но предлагает проводить его „наглядно". Так как труп запугивает и не подходит к детям, то они предлагают свои рисунки, где в отборе изображены половые сферы, начиная от растительного царства и кончая человеком. Итак, наглядное преподавание, предназначенное для школ, для юных коллективов, — о юношестве в точном смысле мы здесь не говорим, потому что там иное положение, там нет нужды спорить о целесообразности научно-реалистического освещения данной сферы действительности. Но вот у детей, — здесь перед нами уже иное. Достаточно понять, что клас-

сное изложение, да еще с „наглядными пособиями“ есть не только пояснение, но и призыв к обсуждению и при том коллективному, и уж, конечно, не только под руководством опытного преподавателя, но чаще под руководством „опытного“ товарища. На этом пути мы чаще получаем концентрацию внимания юных людей на проблемах пола. От этого сам по себе не спасет нас фиговый листок в форме изображения органов у растительного царства. И нужно сказать прямо, что из большинства этих картинок, если их действительно пустят в школу, польется в души детей подлинный поток побуждений к разврату.

До какой нелепости это может дойти, это видно из одной книжечки, дающей пробу такого прямого просвещения детей, — рекорд, побитый педагогическим сентиментализмом. Автор—женщина-врач,—описав растения и животных в половом отношении, дальше описывает женский половой орган и в теплых выражениях восхваляет тепло и уют, устроенный для ребенка природой в этом ее создании, и отмечает, что в органе есть даже свой особый отдельный „х о д и к“. Очевидно, эта сентиментальная нелепость рассчитана на то, чтобы дети расчувствовались и проникались уважением... перед чем? Перед женщиной? Но обосновывать уважение к женщине таким путем и неправильно, и приведет к совершенно неожиданным результатам, а главное: прочувствованность эта психологически есть плод сентиментального взрослого, а для детей эта подробность или нуль, или явно губительна, потому что она немедленно возбудит вопрос о прямом половом акте и требование ответа на вопросы о таких подробностях, перед которыми отступят—надо думать — даже самые смелые и самые сентиментальные авторы.

Как же быть? Значит ли это, что элемент просвещения не нужен вообще? Конечно, нет.

8. Действительный смысл детских вопросов и его следствия.

В педагогике мы изумительно часто наталкиваемся на странную несообразность, что придумываются остроумнейшие ответы на вопросы, которые недостаточно понятны. Просмотр литературы по половому воспитанию еще лишний раз убеждает нас в этом: появляется большая литература с предложением известного — впрочем, довольно однообразного — арсенала средств, с картинками и без картинок, но нигде я не нашел хотя бы маленькой пробы анализа и продумывания того, *что собственно хотят знать дети, юные люди*; сколько им нужно знать, чтобы быть в силах оградить себя от невежественных представлений и побуждений к распутству и избрать, поскольку это зависит от сознания и знания, здоровые пути роста и созревания. Что хотят знать дети и что им нужно знать, — ведь, так просто прежде всего, *до* всяких ответов спросить себя об этом. И отыскивая ответ, мы должны ясно сознать, что слова детей одевают далеко не тот же смысл, как слова взрослых; их вопрос, одетый часто в ту же словесную форму, что у взрослого, обозначает совсем иное. Показательный — анекдот, что дети могут держаться за живот, ощущая в нем боль, и жаловаться таким путем на то, что у них „голова“ болит, говорит много правды. Нам нужно понять действительный смысл их вопроса, их интересов, а не слова только, иначе мы пропустим то, что им нужно и важно, и навяжем то, что им излишне и вредно, что не вызывалось вовсе их потребностями.

В данном очерке я не берусь исчерпать всего вопроса; это потребует особого исследования, но некоторые черты мы здесь наметим, чтобы иметь возможность перейти от критики к положительным указаниям.

Отметим прежде всего, что и у детей желание знать рождается в конкретных его проявлениях фактами окружающей его жизни и наблюдениями над ней, над собой и над другими. Таким образом источники пробуждающегося полового интереса у детей *также разнообразны, как сама жизнь*, как детские индивидуальности. Нам придется установить здесь только некоторые основные источники и рождающиеся из них вопросы. Сюда не относятся, конечно, переживания, протекающие в бессознательной форме. Нас прежде всего интересует смысл детских вопросов в том отношении, в какой мере они нуждаются в подробностях, в научных и житейских знаниях, что нужно дать им, чтобы удовлетворить их, поскольку речь идет о сознательных *потребностях*?

Ответ на эти вопросы, к сожалению, затрудняется тем, что помимо массы индивидуальных поводов к половому интересу испорченность уже в раннем возрасте вносит много диссонирующих тонов в смысл этих вопросов, много таких черт, которые сами по себе, в естественной здоровой обстановке остались бы чужды юным людям. Мы, конечно, не можем игнорировать такого массового явления, но чтобы разобраться в изучаемом нами явлении — в интересах *нормальной* педагогики [1]), — необходимо учесть нормальное положение и попытаться равняться на него.

---

[1]) Иное положение создается для педагогики дефективности.

И вот тогда нам положение рисуется в следующем виде:

По содержанию все разновидности детских вопросов так или иначе, в большей или меньшей мере связаны с желанием знать, откуда появляется новая жизнь, в применении к человеку, — откуда дети, новые люди? Это в сущности подлинный центр их вопросов, отблеск великой проблемы жизни и смерти, прихода и ухода, которые никогда не перестанут волновать умы человечества. Рядом с этим можно поставить — только в несколько подчиненное положение — другой вопрос: проблема особенностей пола, внешний вид организации мальчиков и девочек. Сюда же можно было бы отнести и нередко подмечаемые детьми перемены в матери или окружающих женщинах в период беременности. Но по существу и эти вопросы центрируются все около той же проблемы появления новой жизни.

Рубежом в этих вопросах при нормальном их течении является период полового созревания, после которого понемногу, чаще всего туманно и только постепенно, созревает вопрос о специфической половой проблеме, о взаимоотношении мужчины и женщины, о взаимоотношении полов в конечном счете — о половой жизни, как явлении не только родовом, но и индивидуальном. Иными словами можно было бы сказать, что в нормальном детстве ставится проблема рода, а в юности — проблема индивида, половой жизни. Этим, конечно, мы не хотим сказать, что для юности отпадает вопрос детства, — он остается, но пополняется и освещается уже иным светом.

Что касается характера вопросов у различных возрастов, так сказать построения, колорита их, то мы должны отметить со всей энергией, что у дет-

ства и юности они кардинально различны. Это различие можно было бы условно, с некоторой натяжкой определить, как объективный интерес и субъективную заинтересованность.

В самом деле, — до половой зрелости нормальные неиспорченные дети могут и должны естественно проявлять иногда даже жгучий интерес к вопросам пола, так как на их глазах появляется новая жизнь, появляются дети, это появление связывается с союзом двух людей, различных по полу, и для жадной детской любознательности должны вставать эти вопросы, как и вообще вопрос, откуда все, но весь этот интерес питается чистым желанием знать, в этом случае не говорит или, если даже верить Фрейду, слабо и отдаленно косвенно говорит субъективный половой позыв — интерес. Дети в этом случае живут только теоретически — познавательным интересом; половая тяга здесь вовсе не участвует или слышится в столь отдаленных отзвуках, что с нею в вопросах и ответах детей можно не считаться. Таким образом здесь не ставится у нормальных, неиспорченных детей специфический половой вопрос о взаимоотношениях мужчины и женщины; наоборот, для ребенка, с первых проблесков его сознания привыкающего видеть пары мужчин и женщин в роли отцов и матерей, в роли спутников жизни, в совместном труде и заботах, это самое естественное и не возбуждающее никаких сомнений явление. Все здесь говорит о том, что в глазах ребенка такое сочетание пола вполне оправдано разделением труда, так как то, что может выполнить мать, не в силах выполнить отец и обратно; таким образом вопрос о двуполом сочетании и его причинах сам по себе для детей этой поры не существует.

Иное дело юность после полового созревания. Там вступает в жизнь мощный новый природный фактор, который не даром ставят рядом с чувством голода. Сначала глухо, завуалированно, но с каждым шагом все яснее возвышает свой голос половой личный интерес. Если глаза детей обращены главным образом на внешний мир и окружающую действительность, то у юности вскрывается еще и другой мир, мир качества, мир самоощущения, совершается своего рода обращение во внутрь и ставится вопрос об отношении нашей личности к другой, особенно противоположного пола, выявляются особые потребности дружбы, любви—интенсивных чувствований и т. д. Не будем долго задерживаться на этой психологии юности; она переживалась всеми, — кто поинтересуется ею подробней, пусть обратится к педагогической психологии или психологии отрочества и юности. Нам важно здесь понять, что к обычным вопросам детства здесь привступает субъективная взволнованность, личная заинтересованность и желание знать. Здесь уже определенно ставится вопрос о взаимоотношениях мужчины и женщины, хотя и здесь нет нужды, чтобы он принимал форму оголенной половой жизни, проблемы органов, их устройства и взаимного соотношения, а все это нормально приходит, прикрытое сложным комплексом потребностей чувства, волевых устремлений и повышенных размышлений.

Так отмежевываются эти две поры в жизни вырастающего человека. Конечно, это только вехи, а не исчерпывающее изложение. Вместе с тем это не значит, что одна пора изживается и исчезает, а на ее место вступает другая; нет, вторая пополняет первую, вбирает ее в себя.

Наш ответ был бы не полон, если бы мы, анализируя действительный смысл и характер вопросов

юных людей о поле, не отметили коротко еще одну черту. В детском вопросе, откуда дети, откуда новая жизнь, отражаются, естественно, все особенности их мысли. Они далеко еще не вступили в область углубленного, отвлеченного, естественно-научного объяснения явлений; в их мышлении много персонализма, готовности в объяснении удовлетвориться ссылкой на лицо или живое существо. Так и в детстве человечества до некоторой поры и в простоте душевной примитивного человека оказываются достаточными ссылки на богов или живые силы в природе. Подлинный вопрос о процессе, о „как" встает четко только у юности в точном смысле этого слова. Несколько схематизируя, мы могли бы сказать, что детство онтологично, т.-е. спрашивает о „что", а юность космологична, потому что она к этому вопросу добавляет еще „как", и в него переносит центр тяжести, усложняя его вопросами ценности и смысла.

Таковы вопросы детства и юности. Они неодинаковы. Это дает нам некоторые указания в поисках ответа на вопрос, как быть с просвещением детей?

Нам представляется совершенно ясным, что специальное анатомо-физиологическое просвещение детей относительно половой сферы в интересах полового воспитания не только ничего не даст, но оно еще легко может оказаться пагубным. Самое же главное, поскольку в нем стремятся дать ответ детям, оно направлено не по адресу, оно подменивает вопрос детей вопросом взрослых или юношей, полагаясь на тождество слов. Детей интересует не пол, как таковой, а факт новой жизни.

И вот здесь мы отметим, что капустные листки, аисты и пр. — все это должно быть бесповоротно выброшено за борт. Едва ли теперь кто-нибудь ста-

нет защищать иную точку зрения. Но это должно притти не как просвещение в школе, запоздалое, а потому затруднительное, а как простой жизненный ответ с первых шагов жизни ребенка. Ведь, дети не ждут, пока они окажутся способными понять „естественно-научное" объяснение деторождения и явится возможность провести их через осведомление о размножении в растительном и животном царстве и дойти и до человека. Нужно с раннего детства оставить ложь и искусственность, пагубное начало которым кладут именно в семье и именно в дошкольном периоде. Нужно с первых шагов говорить правду, подчеркивая материнство, отцовство, позже наследственность, заботу, попечение, страдание матери, — одним словом широко используя инстинкт родительства. Разве сами дети не показывают нам, как легко ими усваивается, что они „мамины и папины"?

Нет никаких оснований думать, что слова „когда я тебя носила", „когда я ходила с ним" и т. д., могут вызвать у детей нормального порядка что-либо иное, кроме теплого чувства близости и смутно выявляющейся благодарности за жизнь, купленную тяжелыми страданиями в родах. В массе в этом случае идут куда более бесхитростным и здоровым путем: деревня не боится правды в этом отношении; дети там знают с первых шагов, что их родила их мать. И жизнь показала, что там от этого пути не получается ничего дурного в половом отношении; по анкете 1922 г. „молодежь" из массы в половом отношении оказалась здоровее, чем молодежь из кругов, где в этом отношении шли искусственными педагогическими путями. Опыт показал нам, что если не скажем правду маленьким детям мы сами с первых шагов, то они ее почерпнут из других источников загрязненного характера, а обман,

немедленно вскрываемый фактом жизни, ведет к предположениям чего-то таинственного, что дети, конечно, будут стремиться вскрыть.

Приходится просто удивляться силе интеллектуалистических предрассудков, когда такие умные и глубокие педагоги, как Ферстер, считают возможным сказать детям правду только с 12 лет, а до тех пор рекомендуют отделываться от детей обещанием сказать им, когда они вырастут и будут в состоянии понять, и рекомендуют взять с них обещание, что они не будут слушать чужих людей и верить глупым россказням, как будто дети могут действительно поручиться за себя и заклеить себе уши и глаза. И уж во всяком случае это решение не для массовых семей.

Не будем закрывать глаза на действительность, не будем упрощать ее, много затруднительных вопросов со стороны детей могут возникнуть, как, например, о половом акте животных, свидетелями которого они становятся часто. Но и здесь простой ответ, что у них появятся детеныши, вполне удовлетворяет, особенно если дети возьмут этот факт с хозяйственной стороны. В жизни этого оказывается достаточным, и анатомия и физиология половой сферы здесь специально не требуются; они касаются полового акта, а не деторождения в его общей форме; с нас в этом случае не требуют многих частностей и деталей, которые должны затруднять всякого добросовестного и вдумчивого человека; они нужны и занимают взрослого, но не нужны детям, пока искусственно не пробудят интерес к ним или не принесет потребность в них с собой рост и развитие. Вот почему правда здесь возможна и неопасна.

Этим намечаются пределы для осведомления и дается полезное указание, в каком направлении

итти. Ясно, что в центр должны выдвинуться мотивы родового порядка, мотивы родительства и деторождения. Половой инстинкт — родовой инстинкт и об этом нашем союзнике надо помнить всегда. Было бы; без сомнения, вполне правильно, если бы весь вопрос получил достаточный сдвиг в воспитании детей в сторону отцовства и материнства, в описание стремления к детям, а не к половому наслаждению. Последний термин и содержание не должны фигурировать вовсе. О возможности строить на инстинкте родительства много говорят самопроизвольные игры детей.

Таким образом мы для задач просвещения вопрос резко расчленяем на вопрос, откуда или от кого дети, и вопрос о половых взаимоотношениях мужчины и женщины. На первый вопрос ответ должен быть дан правдиво и жизненно с первых же шагов ребенка, он им уже прочувствуется практически, его не следует ни оттягивать, ни отступать в нем от правды. Второй вопрос должен по возможности быть отодвинут в пору юности и с ним не следует спешить. Что касается особенностей организации, то лучше, если этот вопрос также в его подробностях отойдет в позднюю пору, в юность, а в детстве он, как показывает опыт, очень просто решается привычкой или в нужном случае ответом, что это девочка, а это мальчик.

Во всяком случае я бы решительно высказался против особого урока в школе, посвященного вопросам пола. Все необходимые и возможные данные должны даваться *незаметно, попутно*. Такой путь является особенно естественным для современной школы с ее комплексным преподаванием; необходимо, чтобы эти сведения вошли в общую сумму других знаний и не слагались бы для детей в особое половое просвещение, тем более с „наглядным“

преподаванием в форме картинок и т. д. Мы подчеркиваем, что попутно, незаметно можно дать детям много ценных, полезных сведений. Мы возражаем особенно против особого, специального просвещения и при том в форме, отвечающей на вопрос, которого при нормальных условиях еще не существует.

Обычно в этих случаях спрашивают: а как быть, если дети хотят знать больше? Я не думаю, чтобы по таким мотивам нужно было бы переходить от проблемы деторождения к пояснению полового аппарата и половой жизни. Я напомню, что даже самые решительные сторонники раннего радикального просвещения отступят, если любознательные дети от рассказов словесных и картинок последовательно потребуют перехода к натуре, так как объекты на-лицо. И нужно сказать, что где это просвещение ведется энергично, там дети часто и переходят к наблюдениям реальной действительности на себе и других. Что из этого получается, каждый может понять сам.

Итак, для детей—попутное осведомление, лучше всего в порядке семейной жизни, возможно раньше о деторождении и возможно позже о половом акте. Более выявленный характер это просвещение примет в пору юности.

В литературе по половому воспитанию постоянно подчеркивается, что отец и мать являются наиболее подходящими лицами для осведомления первый мальчиков, вторая—девочек. Это и правильно, и неправильно. Не надо забывать, что массовые родители не могут по своим познаниям и подготовке взять на себя: большинство просветительных задач. Но самое главное, — здесь важно резко отмежевать интересы детства и отрочества, проблемы происхождения детей, родительства, и проблему пола и по-

ловых отношений. Первую задачу могут взять на себя родители, здесь нужен простой, естественный, правдивый ответ без особого научного багажа. Указание на мать и отца ограждает от многих опасностей и для маленьких детей оно достаточно как объяснение. Что же касается второго вопроса, то родители, особенно отец, редко подходят для этой роли; им труднее всего подойти к этому щепетильному вопросу со всех сторон: это стеснительно и для детей, и для родителей по вполне понятным причинам, так как в таком случае отец и мать легко предстанут перед детьми в том же свете уже не просто родительства, а половых сношений; более или менее явное перенесение на близких людей тут очень вероятно и почти неизбежно. Вот почему какое-либо иное, подходящее лицо здесь окажется гораздо более к месту и по положению, и большей частью по познаниям и по умению подойти. Мальчик в пору созревания ищет уже своих идеалов вне семьи. Затем, помимо стеснения в этом отношении именно перед родителями, большую роль играет также то, что отцы и дети редко могут уйти из сферы житейских мелочей, часто взаимного раздражения и даже опасений дальнейших попреков.

Мысль наша естественно переходит дальше к близким вопросам или скорее всего к педагогам. Мы уже отметили, что лучше всего было бы, если бы необходимые сведения поступали бы к детям из этой области попутно, незаметно для них самих. Но тогда эту проблему с разных сторон могут затронуть различные педагоги, особенно гигиенист, естественник и психолог. Это вполне согласуется с неоднократно отмечавшейся мыслью, что специального полового воспитания нет и быть не должно, что есть общее воспитание характера, а вместе с тем оно не исчерпывается, как мы видели, познаватель-

ным элементом. Таким образом является и возможность, и необходимость затронуть эту сторону в различных предметах, не подчеркивая специально половой вопрос у человека. Так ботаник может и должен отметить, где жизнь растений дает для этого повод без ущерба для научного освещения, поучительные моменты, хотя бы с некоторой общей параллелью к животным и человеку. Таким моментом может быть описание двуполых растений. Особенно много таких поводов найдется у зоолога, но именно тут особенно важно, чтобы аналогия с животным не привела к распространению „закона животного" в половом отношении на человека. Много поводов к просветительному раскрытию здорового отношения к полу может дать литература и т. д. Суть в том, что: 1) это не специальный урок, 2) проблема пола для детства в широком смысле не должна становиться специальной проблемой и не должна выделяться и 3) она иными словами должна освещаться постепенно, попутно, часто даже незаметно для самих детей, оставляя каплю за каплей наростающего здорового осознания в их мозгу. Эту задачу должен иметь в виду каждый педагог, но не каждый может удачно трактовать с детьми эти вопросы: им может быть только лицо, пользующееся у детей огромным моральным авторитетом, лицо серьезное, вдумчивое и чуткое и, главное, само здоровое. Это приходится отметить особенно потому, что за эту миссию охотно часто берутся люди, сами невысокого морального качества, а иногда и такие, которых бессознательно гонит в эту сторону собственная похоть. В школах, где работают несколько педагогов, необходимо сговариваться о путях просвещения и наиболее пригодному поручить эту задачу попутного постепенного осведомления детей, но только в самых скромных пределах, по возможности не детализуя половой вопрос и помня,

что в этой сфере как общее правило для детей есть проблема деторождения, но нет полового вопроса в смысле взрослых.

Дальше мы отметим особо проблему просвещения юношества. Что касается детей в широком смысле этого слова, то не отрицая того, что может быть попутно дано естественником, анатомо-физиологом, психологом и гигенистом, признавая даже все это в указанных выше пределах полезным, мы подчеркнем здесь, поскольку речь идет о всякого рода интимных вопросах, которые могут возникать и у детей, путь индивидуального, доверительного осведомления. Внимательно наблюдая юного человека, можно подметить период известной тревоги или недомогания, и вот тогда надо найти повод прийти на помощь, не подрывая стыдливости, не задевая других; так наедине в интимной беседе легче сговориться и легче понять друг друга; о таких вещах люди с здоровым чувством не говорят так просто при других. При таких условиях дети сами легче пойдут на обращение к педагогу со своими волнениями и сомнениями.

9. Просвещение в пору отрочества и юношества.

Итак, поскольку речь идет о появлении новой жизни, должна с первых же шагов детям сообщаться правда, самая безыскусственная речь, никакого маскарада, и дальше попутно идет незаметное осведомление во всю пору детства. Здесь нет проблемы полового просвещения особняком.

Картина должна перемениться с переходом к юности, с прохождением через полосу половой зрелости. Здесь дремавший и скрыто зревший фактор пробуждается и начинает реально налагать свою руку на всю жизнь и проявления человека. Оста-

вить его одного с новыми ощущениями нельзя тем более, что тут возникает много новых недоуменных, тревожных вопросов.

Прежде всего отметим, что здесь важно прийти во-время. В носклицании „лучше на год раньше, чем на час позже", есть много правды, но и много рискованного. Лучше не позже и не раньше. Но точно установить этот период невозможно. Часто мы замечаем работу природы тогда, когда она уже сделана. Но вместе с тем и катастрофа наступает здесь не с такой внезапностью, чтобы мы были перед ней бессильны: когда новый фактор выявляется, тогда легче найти доступ к юному уму и сердцу.

Положение мальчиков и девочек здесь неодинаково. Раздельное просвещение их необходимо не только по мотивам ограждения и сохранения у них здорового чувства стыдливости, по мотивам нравственности и здоровья, чтобы не давать им весьма скользких возможностей при совместной беседе, но еще и потому, что и подход и переживания здесь различны.

Обратимся сначала к вопросу о просвещении молодых людей мужского пола отроческого возраста.

Я думаю, нет нужды особо доказывать, что мальчикам это просвещение должно быть дано мужчиной и только в совершенно исключительных случаях для этой роли подойдет пожилая женщина. Уже одно то, что просветитель должен сам пережить в свое время все эти вопросы, а не только знать их теоретически, из медицинских книг или по аналогии, требует одинаковости по полу просветителя и просвещаемых. Можно было бы указать из жизни совершенно анекдотические факты в связи с нарушением этого требования. Здесь больше, чем

где бы то ни было нужны взаимное понимание по переживаниям, нерационализирующаяся эмоционально-волевая и органическая близость по полу. Отдельные исключительные личности, если бы таковые нашлись, не могут подорвать целесообразности этого требования. От него отступать не следует.

Когда нужно приступить к этому большому делу? Блох предлагает сделать это, когда дети—городские—достигают десятилетнего возраста; Фёрстер с огромными ограничениями соглашается на возраст 12—13 лет; другие авторы переносят этот срок на 16 лет и т. д. Нам нет нужды перечислять эти противоречия. Все они проистекают из основной ложной попытки втиснуть в одну формулу то, что по существу в нее уместиться не может.

В самом деле. Необходимость полового просвещения здесь вызывается уже не проблемой деторождения, о котором надо говорить просто и естественно правду всем детям, где мы с этим сталкиваемся в жизни, а специфически половым вопросом, тягой одного пола к другому,—одним словом, всеми следствиями из наступившей половой зрелости. Но половая зрелость неодинаково приходит не только у юных людей различных национальностей, у северян и южан, но она различна у города и деревни, различна даже в разных слоях населения. Диапазон колебаний, как показывают особенно характерно данные Америки, где в одной стране представлены различные национальности, устанавливается между 10 и 16 годами у вполне нормальных юных людей.

Если в применении к детству и проблеме появления новой жизни рекомендуется говорить правду возможно раньше, то в применении к юности и половому вопросу лучше не пробуждать раннего интереса, здесь необходим подход с исключитель-

ной осторожностью. Возможность прийти в класс к подросткам и без дальнейших предисловий предложить „принять" полагающуюся дозу просвещения, как это в конце концов рекомендует большинство просветителей, я считаю безусловно непедагогичным.

Надо подойти к этой задаче иным путем. Здесь важно гарантировать себе благоприятную эмоциональную и волевую атмосферу в группе, чтобы этот фон, на котором будет развертываться вся беседа, был за нас, а не против нас. Далее важно, чтобы у юных наших питомцев была действительная потребность получить эти сведения, было желание знать, был интерес. Вот почему нужен авторитетный педагог, пользующийся полным доверием, любовью и репутацией серьезного, хорошего человека. Но и этого мало. Сначала он наблюдает свою группу, подмечает признаки перелома в меняющемся голосе, в фигуре; подмечает новый тон в разговорах ребят и т. д. Дальше необходимо съуметь нащупать эту потребность знать, и съуметь дать повод юным людям пожелать побеседовать на такую тему, чтобы она пришла ненавязанной. Ведь, многие проблемы из истории, литературы, наследственности, сравнения человека и животного легко дадут для этого возможности, как и окружающая жизнь. Так факт покушения юного человека на самоубийство, факт потери контроля над собой и т. д. могут дать для этого повод, из которого легко выявить желание побеседовать. Лучше всего, если учащиеся будут подведены к прямой просьбе об этом. Дальше мы коснемся также вопроса о необходимости предварительно подготовить согласованность семьи со школой. Таким образом никаких общих сроков здесь указать нельзя; можно только рекомендовать внимательно наблюдать и прийти на помощь, когда явится нужда.

Переходя к самому содержанию, мы должны прежде всего отметить целесообразность знакомства в общих чертах с анатомическим строением человека и с физиологическими данными. Это идет само собой и может явиться тем поводом, о котором я говорил выше. Но в речи о функциях необходимо всячески отодвинуть функцию полового наслаждения в ее оголенном виде и представить ее в ее культурной сложности, как она характеризована нами раньше. Она должна предстать не только как функция воспроизведения рода, но и как функция самораскрытия личности, совместного делания жизни, до чего надо созреть во всех отношениях. Аспект стремления к спутнице жизни, к сотоварищу в борьбе за жизнь, сдвинет весь вопрос в плоскость здоровой атмосферы продумывания всего вопроса и окрасит его серьезным жизненным колоритом. Вместе с тем это избавит от необходимости итти здесь в частности анатомо-физиологического порядка, особенно у противоположного пола. Детализованные знания здесь ничего не прибавят, но опасность сосредоточенности на половой сфере они могут создать легко. Здесь как раз должно быть сделано все, чтобы не сосредоточивать внимания на том, что и без нас влечет со всей мощью природного фактора и не несет в себе никаких задерживающих моментов, кроме запоздалых последующих печальных следствий. И самим подросткам нужно не углубление, а общее знакомство.

Как нужна и естественна сдержанность в осве-
всех вопросов, связанных с половой жизнью,
ше всего показывают сами юные люди
оявлениях и потребностях. Так уже Ст.
на разновидности любви и увлечения
ей, если обстановка и взрослые не
равить их своей распущенностью. На

первых порах эта любовь настолько интимна, не выявлена, что она совершенно избегает света и чужих глаз; но самое важное это то, что она всячески стремится отдалиться и скрыться от предмета своего обожания. Холл отмечает, что в эту пору любовь сопровождается „отдалением, скрытностью, стыдом". Мои исследования в этой области [1]) указали мне на чрезвычайно характерную черту, что в любви юных неиспорченных людей предмет увлечения сам по себе играет сравнительно подчиненную роль, уступая место первенства наслаждению индивида самим собой, своими переживаниями и углублением своей личности. Мне представляется на основании всех данных, что именно в этом можно искать объяснения того факта, что юность первого периода не стремится непременно к обществу любимого лица или может испытывать это чувство к человеку совершенно неподходящего возраста, как это отмечает Холл. Все это показывает, что в данном случае еще далеко не обнаруживается прямое половое влечение, неизбежно ищущее физического слияния, а речь идет об его вторичных выявлениях.

Все это имеет огромное педагогическое значение, потому что показывает, что в нормальных условиях попытки разъяснять юным людям чрезмерные подробности из области половых взаимоотношений не только очень рискованны по существу, но они не вызываются и не оправдываются и самими потребностями молодежи, — они являются ответами на еще несуществующий вопрос.

Тем более это нужно подчеркнуть относи девочек. У них эта невыявленность прямо вого чувства и его претворение во вся

---

[1]) Подробнее см. Проф. М. М. Рубинш гика юности", гл. „Юная любовь", изд. „Мир"

вторичные обнаружения продолжается чрезвычайно долго. В имеющемся у мечя материале дневникового порядка это утверждение находит себе полное подтверждение. Из 59 описаний прямой интерес к функциям обнаруживало только одно лицо и одно констатировало у себя гомосексуальные проявления. Все остальные описывают влечения вторичного порядка, как мечты, неопределенное томление, желание общества юношей, внимание, и многие добавляют, что если и приходила мысль о прямых половых отношениях, то в ней обычно жуткое любопытство совмещалось с отвращением. Все более или менее единодушно отмечают, что особенно интенсивно их занимал тогда вопрос не о половых сношениях, а проблема деторождения, родовая функция. С еще большим единодушием мои корреспондентки отмечают у себя в пору полового созревания и долгое время после этого чрезвычайно обостренное чувство стыда, заставлявшее их краснеть даже от простого пристального взгляда, которым окидывали их фигуру, может быть, даже ничего не думая при этом.

Таким образом все здесь у неиспорченной молодежи направлено в сторону скромности и некоторого затушевывания. Что касается испорченной части молодежи, то мы в нормальной педагогике не можем брать равнение на нее. Но для нее, может быть, такое нескромное углубление в половой вопрос еще более опасно, — пример этого был мною приведен раньше в цитате из описания своих переживаний студентом - естественником. Нелишним будет упомянуть здесь, что авторы моих материалов — современная молодежь, учащаяся в высших учебных заведениях и в довольно значительной своей части принадлежащая к крестьянам.

Вот почему детализацию, хотя бы и естественнонаучную, надо в такой беседе признать вредной.

Конечно, где должен быть положен предел, это должно подсказать чутье, такт педагога и ход беседы, но, как общий принцип, правильно в этом случае быть очень сдержанным. Повторяем, просветители придают слишком большое значение в этой области педагогики знанию, рассудку. Знанием надо здесь воспользоваться не только для осведомления, но еще больше для внедрения соответствующего направления мыслей, для здорового умонастроения, чтобы создать способность оценивать эту сферу в сфере здоровых жизненных ценностей, а не личного полового услаждения, выдвигаемого естеством.

Так само собой выясняется, что естественнонаучное просвещение ни в каком случае и ни в одной стадии не должно оставаться одно [1]), оно должно быть дано здесь в оправе культурно-социальных мотивов и мотивов расцвета личности, что особенно важно для юных людей. Об этом нам говорит ясно вся психология человеческого полового чувства, его „разлитость". Таким образом на ряду с общегигиеническими наставлениями должна быть выдвинута пора нового роста, новых ощущений. Юным собеседникам надо дать четко уяснить себе, что в росте, виде и самоощущении могут быть негладкости, чтобы они не мучились, не гадали и не обращались к невеждам, а шли бы с этим к заслуживающему доверия лицу, отцу или педагогу, или врачу, что стыд здесь ложен. Нужно умело подчеркнуть, затронув личный фактор, что от здоровой жизни в этой сфере многое решается в том, каким ты станешь мужчиной, какова будет вся сила и роль в жизни. Юные люди будут знать, куда можно

[1]) Этим я не затрагиваю преподавания естествознания вообще.

обратиться в случае нужды, что можно не стыдиться и не мучиться.

В интересах раскрытия культурно-социальных мотивов важно учесть следующее. Новое подчеркнутое ощущение своего „я" часто толкает юность на крайности индивидуализма. У них, как и позже, легко может появиться мысль, „что моя жизнь это — м о я жизнь и я сам понесу на себе то, что я из нее сделаю" или явится пафос бесшабашности, выражающийся в мысли „с меня моей жизни хватит". В половом просвещении необходимо ярко вскрыть с о ц и а л ь н ы е стороны.

С точки зрения полового наслаждения получается фикция, как будто на половом сочетании заканчивается все и перспектива следствий и сложности исчезает совсем. Иная картина получится, если мы, следуя действительной сложности вопроса, возьмем его как родовой инстинкт, и будем, где возможно, выдвигать аспект социальных его сторон и связанной с ним социальной ответственности. Не говоря о наличии двух лиц во всяком сочетании полов, всегда есть еще возможность и третьей заинтересованной стороны, — возможность д е т е й. Таким образом в половой жизни мы распоряжаемся не только своей жизнью и не только обществом настоящего времени в меру нашего хождения в него, но мы таким путем захватываем б у д у щ е е общество и при том бесконтрольно. Все это можно смело и четко указывать, будя желание быть сильным и здоровым, пробуждая чувство ответственности и социального долга. Здесь может родиться богатый стимул к половому оздоровлению и самообладанию. Задача воспитания здоровых родителей может разрешаться уже на этом пути: детям можно говорить о том, что значит ослабленный, пьющий и прожигающий свои силы родитель. Инстинкт нам порукой за то,

что никто не захочет уже с детства нести в себе зародыши будущих детей-уродов и подрывать сознательно свои шансы на жизнь. Это может послужить большим стимулом к сдержанности и воспитанию способности справляться с собой, — сознание и понимание, что человек растрачивает не только свой капитал, но и то, что передано ему прошлым, и достояние будущего. Мы взрослые, ведь, хорошо знаем всю серьезность положения здесь: только неведение детей и круговой грех спасает отцов от восстания на них детей за растрату их шансов еще до рождения, за дегенерацию, за ограбление „еще не родившихся". И, ведь, это будет речь не о „половом просвещении" или не только о нем, а о наследственности, гигиене и т. д., а итоги должны получиться и в интересующей нас сфере. Здесь можно действовать не только прямым объяснением, но лучше косвенными, попутными ссылками и наталкиваниями, соответствующими художественными произведениями, из которых будет незаметно, но ярко звучать, что сохранение себя в здоровом нерастраченном состоянии есть не только личное огромное достояние, но и неоспоримый социальный долг. Образы Ибсеновских „Привидений", „Смердяковщины" Достоевского и др. сказали нам взрослым, может быть, несравнимо больше, чем изучение соответствующего отдела анатомии и физиологии. Пробуждение таких социальных инстинктов ценно и вообще воспитательно, и избавляет нас от необходимости говорить прямо о том, о чем говорить трудно. Надо заставить говорить за нас условия, природу, окружающую среду, социальные мотивы, культурные интересы и т. д. „Разлитость" и сложность полового чувства в культурных формах дают нам богатые возможности подходов с самых разнообразных сторон.

Подчеркивая материнство, отцовство, детей как следствие, родовую функцию, мы вместе с тем должны выявить здесь специфически культурную сторону. Это лучше всего достигается правдивым указанием на сочетание представителей двух полов, как на совместное делание жизни. Мы, конечно, здесь имеем в виду не прямое теоретическое приложение и пояснение прежде всего; это становится возможным и целесообразным значительно позже, у юноши и взрослой девушки. Речь здесь идет о косвенном воздействии в форме наблюдения жизненного опыта, в помощи в подмечании сложности брачных взаимоотношений, в чтении, в исторических образцах. Например, биографии крупных людей могут дать необычайно благодарный материал для этой цели — на многих положительных и отрицательных случаях можно дать возможность незаметно развернуться мысли и убеждению, как много поддержки, стимулов, ободрения, вдохновения способна дать женщина мужчине и мужчина женщине, если они несут в себе живые человеческие задатки: добрую волю, неиспорченность, любовь и цельность; и рядом, сколько упадка, пустоты и гибели вырастает при отсутствии этих свойств и условий. Нет никакой нужды рисовать или наталкивать детей на мысль о сентиментальной идиллии; жизнь должна быть показана без подделки и приспособления, в художественной форме, но завоевывая художественность мы гарантируем правду. Так мы увидим фигуру — беру случайные примеры — великого Песталоцци и рядом с ним Елизавету Неф, такую незаметную и такую большую, так много давшую ему; вот мощный, характерный, резкий Фихте и его Иоганна, без которой из фигуры и жизни Фихте исчезло бы так много; вот Шопен и Жорж-Занд, вот Толстой и его семейная трагедия, трагедия несходства;

вот Абеляр и Элоиза, Дантэ и Беатриче и т. д. Но, ведь, можно итти не только по вершинам и возвышенностям человечества, не всегда доступным; можно взять массовую, повседневную жизнь и там на каждом шагу подметить это явление как совместного делания жизни, так и ее совместного разрушения. Надо только незаметно помогать детям видеть в спаривании не голое половое сочетание, а то, что оно есть в действительности в здоровом случае: совместное делание жизни, соединение спутников жизни и т. д.

Все просвещение на этих путях будет протекать с минимальными опасностями и с теми положительными итогами, которые нужны и возможны от полового просвещения. Это вместе с тем осветит новым положительным смыслом моральные призывы и требования.

При таком пути явится возможность более здоровым образом подойти к чрезвычайно тяжелому вопросу о венерических заболеваниях. Было бы несравненно лучше, если бы за него можно было взяться значительно позже. Во всяком случае и здесь необходимо не давать это просвещение, не подготовив для его восприятия здоровой почвы.

Анкетные данные Гельмана, опрашивавшего университетскую молодежь 1922 г., говорят, что у 33,3% мужчин воздержанию способствовал страх перед венерическими болезнями, то же констатируют — 8,7% женщин. Большой процент у мужчин может объясняться еще и тем, что страх этот приводил к воздержанию в таком большом числе случаев потому, что они имеют дело в значительной степени с проституцией. Но в этом действии страха, поскольку речь идет об юношестве, есть и оборотная сторона: страх может привести ко всякого рода дефектам и страданиям; и об этом не следует забы-

вать, юношеству полезно знать действительную картину. Европейские университеты давно проводят популярные лекции для студентов, особенно новичков, о венерических заболеваниях. Нет сомнения, что познакомиться с их губительными сторонами взрослой молодежи очень полезно.

Но как быть с юными людьми, с подростками? Мне кажется, что у нас нет никаких оснований уклоняться от раннее намеченного нами пути; в него, в том же социальном и культурном аспекте могут быть вкраплены попутные указания на эту кару распущенности и злоупотребления, может быть отмечено разрушительное влияние венерических болезней, но ни в коем случае не следует итти в детали описания органов, тем более демонстраций таблиц и т. д. Все эти познания, если бы даже они были безвредны, не заменят врача, но они глубоко вредны и будут бесцельно замутнять приподнятую психику юных людей. Предостережение достаточно дается ссылкой на жизненные следствия и на необходимость врачебной помощи и самой неотложной борьбы с этими явлениями, где это несчастие случается. Важно не только предостеречь от падения и возможности заражения, но и убедить, что в случае такого горестного события надо итти к врачу, а не к знахарю, надо не создавать хронического заболевания из-за ложного стыда, но для всего этого тяжкая детализация, своеобразное „медициноведение“ не нужно.

Нам хотелось в заключение обратить внимание на одну возможность, остающуюся совершенно неиспользованной. Я имею в виду хорошую, доступную, здоровую и целомудренную книжку для юных людей по этому вопросу, отцовские и материнские „Письма к молодежи“, проникнутые горячей любовью к юности и желанием помочь ей. Тысячи и тысячи юных людей мучаются всякими думами и сомнениями,

а обратиться к взрослым стесняются; самим взрослым тоже далеко не всегда удается подойти к ним, да и трудно найти естественный тон, у коллективного обсуждения свои большие опасности, там один испорченный тип может сорвать и извратить всю беседу и направить ее итоги в дурную сторону. „Письма к молодежи“ могут избегнуть всех этих опасностей, их можно без труда дать юному человеку, они могут избегнуть всех ненужных вопросов, здесь отпадет стеснение и можно в тиши, уединенно, не задевая никого, не нарушая скромности, продумать этот проклятый вопрос. Американская и европейская литература с фактическими данными в руках показала, как молодежь жаждет такой книги и, не находя ее во-время, попадает в руки шарлатанов. В Америке даже организовались целые доходные компании, эксплоатирующие эту вопиющую нужду молодежи. Настоятельно необходимо педагогической мысли учесть эту возможность.

В итоге у нас намечаются выводы: 1) путь просвещения в области полового воспитания переоценивается в его мощи; 2) он для различных возрастов должен оцениваться и формироваться неодинаково, применяясь к действительному смыслу запросов юных людей; 3) необходимо строго различать вопрос о продолжении жизни, о размножении и вопрос о взаимоотношении пола, о половых отношениях, и 4) путь просвещения, где он применяется, должен даваться не естественно-научно только, а в культурно-социальном освещении, оправдывающем требование человеческого пути в области половой жизни.

10. О половом воспитании девочек.

Считая, что все изложенное в общем одинаково относится к представителям обоих полов, мы должны

добавить еще некоторые черты специально относительно девочек. Такие добавления оправдываются существом дела. Тот, кто пожелал бы игнорировать, как это, к сожалению, часто делается, особенности полов, бил бы просто как тупой догматик в лицо жизни; он должен был бы сказать, что особенности анатомо-физиологического порядка, ведущие к совершенно особым переживаниям, как менструации, зарождение, беременность, роды, кормление и т. д., не имеют значения, т.-е. он должен был бы здесь прорвать закон причинности. Мы не можем здесь останавливаться на доказательстве нелепости этой мысли. Особенности есть факт не только анатомо-физиологической, но и в соответствующей дозе и психической организации со всеми следствиями отсюда[1]). Нас в данном случае интересуют те стороны, которые требуют особого подхода к девочкам и в области полового воспитания, — на ряду с мерами общего порядка для того и другого пола.

В мировой медицинской и психологической литературе неоднократно отмечали, что половые переживания полов неодинаковы. Можно было бы указать много фактов, подтверждающих эту мысль: неодинаковая функция даже в самом половом акте; рецептивная роль женщины; некоторые медицинские авторитеты, как Блох, подчеркивают, что и самое половое возбуждение и его стадии намечаются у женщины не так же, как у мужчины: у женщины они проходят в специфическом смысле уже в самом половом акте. Центральным явлением здесь надо признать тот факт, который отмечает Блох вместе с Гевелок Эллисом, что „половое влечение в специальном смысле развивается у женщины в первые после

---

[1]) Это не имеет ничего общего с попытками отрицать культурную пригодность женщины.

начала регулярного полового соединения в полной мере" и что у нее оно самым непосредственным и тесным образом переплетено с удовлетворением прямого или претворенного инстинкта материнства. В то время как у мужчины здесь интерес концентрируется на половой стороне, и он, например, может совсем и не знать своего ребенка, у женщины центр — родовая сторона, которая является у нее преобладающей. Непредвзятая психология пола должна признать, что переживания полов в половом акте даже как в таковом неодинаковы: мужчина весь как бы конденсируется во все наростающем напряжении и в его разряжении; женщина исходит и как бы разливается из него; мужчина рвется к акту и свершив успокаивается, относительно для него здесь — точка; для женщины „прелиминарии" и „послесловие" имеют в большинстве случаев огромное значение; мужчина как бы впадает в это, женщина отсюда вытекает, начинается...

Все это должно быть принято в подходе к воспитанию девочек. Мы уже раньше указывали, что важно не только не преувеличивать значение просвещения, но важно найти для него соответствующее содержание и формы применительно к различным возрастам, а теперь мы добавим — и применительно к полу. Дело в том, что преобладание родового интереса у женщины вообще не остается единственным благоприятствующим фактором для здорового воспитания, но природа дает чрезвычайно благодарный момент для просветительной работы в приближении и появлении менструации. Таким образом с девочками этого возраста можно и должно провести соответствующую беседу и дать им все необходимые наставления, окружив их ароматом материнства и советом интересов наследственности. Здесь меньше опасности потому, что беседа найдет благодарную

почву в разрешении прямой нужды, которую все ощущают остро и будут переживать ежемесячно, и в инстинкте материнства, в любви к детям, которые у девочек очень сильны.

Но и здесь основное требование знать пределы остается в силе.

Именно девушкам надо особенно во всем значении, широте и глубине раскрыть проблему наследственности, здорового деторождения и здоровой матери. В наше время, когда один писатель описывает (Коллонтай) с легким сердцем, как молодая девушка осуществляет свое „равноправие" в скотских сношениях с случайными людьми вплоть до своего отчима, а другой (Маргерит) протаскивает свою героиню через распутство, даже лесбийскую любовь, гашиш, публичный дом и т. д., а дальше рисует ее в трогательной роли любвеобильной мамаши,—если жизнь действительно знает такие явления, не как исключения, не как выдумку похотливого автора, то особенно важно четко и ясно спросить себя, кто родится от таких матерей и что обозначает их последующее „истекание кровью сердца" над как будто неведомо почему нежизнеспособными детьми, посланными на муку себе, своим матерям и обществу. Об этом сознании своей не только личной, но и общественной роли важно начать говорить во-время. Когда-то Руссо сказал: „Если хотите пересоздать людей, начните с матерей", мы добавляем — с будущих матерей. Нам нет нужды и здесь нарушать стыдливость; проблемы материнства в общих нужных нам чертах можно трактовать безбоязненно, — для них нет необходимости вдаваться в детали половой жизни. Особенно важно этот элемент отметить в глазах подрастающей женской молодежи; это будет прекрасным дополнением к освещению взаимоотношений полов, союза двух

лиц различных полов, как совместного делания жизни, о котором мы говорили раньше.

Но здесь есть и еще одна необычайно важная возможность, которая должна быть широко использована. Это использование того, что в силу известных причин девочки и девушки в половом отношении сдержаннее мальчиков и юношей и что они даже в распущенные эпохи легче остаются на пути целомудрия. Естественно, что они являются в половом отношении наиболее страдающей стороной и наиболее заинтересованной в следствиях полового акта. Что девушкам легче сдерживаться и они больше владеют собой в области прямого полового чувства, это вполне подтверждается не только жизненными наблюдениями и констатировалось не раз, но и тем, что у них половое чувство на первых стадиях выступает в сложно завуалированных формах. Авторитетные медики указывают (например, Блох), что настоящее половое чувство вскрывается у женщины только после того, как она начала жить половой жизнью. На этом может быть также построено педагогическое воздействие. Именно на воспитание девушки в этом отношении нужно обратить особое внимание: у девочек нужно дать раскрыться инстинкту материнства, хотя бы это и не вело к желанию мужчины только ради детей, но двигателем должна быть любовь, самосознание себя как женщины и своей будущей материнской функции. Отсюда должно ясно и четко вытекать не только стремление сохранить себя и оградить свои интересы непосредственно, но это должно привести к б о л ь ш е й т р е б о в а т е л ь н о с т и к мужчине: она должна стать осторожнее и не так просто итти на половую жизнь; она должна стремиться и требовать здорового мужчину и инстинктивно или сознательно отталкивать слабых, истасканных, растрепавшихся и предпочитать сильных

и нерастратившихся, оказывая таким путем самое мощное давление на мужскую молодежь. Мы здесь можем и в просвещении, и в бессознательных средствах воздействия на девочек и девушек тем легче добиться успеха, что мы не навязываем им искусственного стремления: это то, чего требует само их естество; это правильно биологически, это целесообразно социально. Для успешной борьбы с распущенностью необходимо снять с нее ореол, которым она на пагубу всем — нужно сказать прямо — окружена во всем культурном мире. Распущенность половая должна быть заклеймлена, как нечто позорное не только в теории и не только морально, что часто делает ее еще пикантнее, но она должна практически ощущаться молодежью и особенно женской молодежью, как тяжко антисоциальное, гнилостное явление. Это отношение должно выявиться практически. Распутник должен потерять реально возможность одеваться в тогу „молодца", „хвата", „героя" и т. д.

И вот тут слово за женщиной, именно им необходимо особенно уяснить, чем грозит им распутный и с юных лет растративший мужчина, что он принесет ей женские болезни, потерю красоты и свежести, раннюю старость, больных детей, уродов, рано умирающих или наследственно отягощенных. Этого никто не захочет. И если где просвещение может оказаться действенным, не будучи сопряженным с такими опасностями, как у мужской юной молодежи, так это именно здесь в применении к женской молодежи, которая должна ясно видеть это с родовой, евгенической точки зрения в скрытую сторону отношений полов. Требовательность к большей свежести и нерастраченности мужчин, — это требование вырастет само собой.

Такой уклон должен быть поддержан всем так называемым общественным мнением, всей средой, тогда он окажется особенно действенным. О роли среды мы скажем несколько слов дальше. Она пока не за нас, но все-таки здесь педагог может сделать очень много, если он съумеет каплю за каплей внедрить в сознание своих питомиц это социально необычайно важное стремление к сильным, нерастраченным, здоровым, устойчивым людям. Этот путь, на котором и просвещение может дать необычайно ценные плоды.

11. Проблема „сублимации" и ее пути.

Таким образом намечается вполне здоровый путь некоторой сублимации, на котором нет беспочвенной идеализации, а создается только целесообразный педагогический сдвиг. Здесь не будет той лжи, которая создается в возведении друг друга в бестелесных ангелов, из чего потом может родиться тяжелое разочарование, но станет уже невозможным легкомысленное пользование человеком, которое тоже есть ложь и пагубная ложь, потому что человек обманывает себя, что он дает или берет момент и на этом все заканчивается. Мы тем более подчеркиваем нашу позицию, что крайняя идеализация в сторону полной отрешенности от половых интересов, в сторону „обожествления", к которой неосторожно зовут многие авторы, есть также палка о двух концах: наша задача — не исключить половой интерес, а облагородить, очеловечить, оздоровить его. Мы об этом говорили в первых главах. Поэтому и в сублимации нет нужды покидать естественную почву.

Для такой сублимации отроческий возраст, критическая пора дает вполне благоприятную почву.

На почве еще не вполне раскрывшегося полового фактора создается естественная склонность к известной аффектированности, подъему, идеализации, но напоминание о материнстве, о социальных следствиях его удержит эту идеализацию на почве естественности. Речь будет в этом случае итти не о „небесном создании", бестелесном ангеле, а наоборот, в глазах мальчиков и девочек выступят некоторые слабые „земные" черты полов, требующие к себе осторожного отношения и поддержки и т. д.

Мы можем спокойно принять некоторый элемент приподнятости и идеализации во всем этом, потому что это и здорово, и вполне отвечает настроению и отношению юных людей. Стоит нам присмотреться к тому, что представляет собой юная любовь, чтобы убедиться, что перед нами благодарная почва в этом отношении. Там все чувство в нормальных условиях направлено на идеализованные культурные стороны этого комплекса; самый половой фактор в точном смысле, если и слышится, то в какой-то туманной, смутной глубине, он только брезжится, и было бы преступлением срывать покрывала с этого столь широко завуалированного и временно надежно обузданного романтическим налетом инстинкта. Юная любовь так доверчиво и просто идет по своему неискушенному пути с глубокой верой в возможность чистой и вечной любви и дружбы и смотрит именно на все, как на подготовляющийся совместный путь,— конечно, там, где эти юные души не успели вкусить яда от распущенной жизни окружающей среды. В моих руках имеется дневник 16-летнего совершенно испорченного в половом отношении юнца, который описывает с неслыханным цинизмом свои похождения, явно преувеличивая и хвастаясь их количеством; и вот на ряду с ярким презреним и злобой (до надругательства) к девицам, участницам разврата, весь тон

и характер дневника совершенно меняется, когда он записывает свои мысли и поступки, связанные с Надей П., предметом его обожания; малейший намек на сексуально нечистоплотное отношение к ней и других и его самого, что особенно интересно, приводит его в ярость. В том же оздоровляющем направлении, хотя и менее сильно, действовали на него, как видно из дневника, воспоминания о матери. Таким образом юная любовь показывает нам, как много побуждений может она дать ценного предохранительного свойства, и как педагогически непростительно поступаем мы, когда мы стремимся реалистически оголить эту пору, а тем более ворваться в эту сферу жизни юных людей с нашей разлагающей рассудочной деятельностью. Лежащее в этой же плоскости стремление к необычному, героическому, к приподнятости мстит за помехи себе в эту пору губительным уходом в другую крайность, — в оголенную половую жизнь, в ранний разврат.

Так открывается естественный выход к взаимному уважению и к тому, чтобы до поры до времени искать разряда накопляющихся сил в юные культурные формы и интересы, — в форму совместных исканий, дум, образовательной работы и т. п., т.-е. в сторону закрепления и углубления той „разлитости“, о которой мы говорили раньше. Идея спутничества, сотрудничества в жизни, столь благотворная именно в области полового оздоровления, подготовляется и крепнет уже здесь и дает правильную перспективу.

На этот сублимирующий путь мы должны обратить тем большее внимание, что мы его мыслим себе не столько в форме просветительной, сколько скорее в форме деятельных выявлений, так или иначе способных дать возможность разрядиться в накопляющейся энергии в плодотворных жизнедействиях. Если действие просвещения представляется нам ограни-

ченным, то этим путям я считаю правильным придавать основное значение, тем более, что все эти пути имеют значение не только как средство для данной цели, но они и вообще необычайно ценны педагогически во всех отношениях, а главное — они представляют вообще целесообразные и интересные действительные формы жизни молодежи. Такие пути, в которых совмещаются действительная жизнь и воспитательный процесс являются педагогически самыми ценными. С этим фактом мы и встречаемся на том пути, на который мы указываем в призыве к поддержке соответствующей организации юной среды во всех ее ценных формах.

И здесь надо считаться с нерадостным фактическим зрелищем. Толчок к половым ощущениям был дан товарищами у мальчиков в 32,8% всех опрошенных, у девочек эта цифра равняется—19,2%. Сами по себе эти цифры были бы не так страшны, если бы за ними не открывался тот факт, что это товарищеское введение почти всегда носит чрезвычайно нежелательный характер: здесь нередко кроется тяжелый непоправимый надрыв скромности и чистоты, все рисуется в оголенном виде и совершенно исчезает та „разлитость“ и сложность полового чувства, которые несет в себе призыв и гарантию к большой душевной человеческой теплоте, углубленности, постоянству и сдержанности. В понятной в этом случае погоне за взрослостью юные люди стремятся часто и тут, как в менее значительной области курения табака, импонировать друг другу своим интересам к женскому полу и обратно, — искать соответствующих возможностей. До каких геркулесовых столбов может доходить эта бравада и стремление показать себя искушенным взрослым, это показывают такие случаи, как пришлось наблюдать в жизни одному знакомому педагогу: испорченный мальчуган 15 лет

нарочно опаздывал ряд дней на уроки, чтобы, приходя к своему месту, перед всем классом всей своей фигурой и походкой показать, что он болен „мужской" болезнью, и был очень горд некоторое время тем, что он стал предметом удивления и интереса своих сотоварищей, пока это состояние не сменилось испугом и большой тревогой под влиянием раскрывшего ему глаза педагога. Такие факты неединичны. Не забудем, что в огромной массе молодых людей на гоноррею смотрят как на довольно безобидную болезнь, даже сравнивая ее с насморком, что погоня за сексуальными и грязными анекдотами — всеобщее явление; что на рассказывании скабрезностей и скверных сексуальных анекдотов разные „славные малые" делают нередко карьеру и строят свое благополучие.

Если велико разлагающее влияние отрицательной товарищеской среды, то оно же является незаменимым по своей мощности и действенности фактором в положительном случае. То, что оказывается совершенно не под силу другим средствам, особенно теоретическому просвещению, способен легко преодолеть здоровый товарищеский дух. Целый ряд авторов: Ферстер, Вегенер, Блох, Холл и др. глубоко правдиво подчеркивают следующее необыкновенно важное обстоятельство: „Моральная статистика неопровержимо показала, что культурный и нравственный прогресс зависит не от наказаний и профилактических мер против проступков и эксцессов, а только от внутреннего улучшения и укрепления отдельных индивидов". Но это лучше всего дается созданием здоровой социальной юношеской и детской среды, ее внутренним духом, ее самоорганизацией и самодеятельностью. На организацию здоровой среды общения в школе и вне ее должны быть направлены особенные усилия; в особенности, принимая во внимание, что нет надежд

в ближайшем будущем на скромные, в этом отношении формы жизни в среде взрослых и широкой общественной жизни. Вредное влияние последнего фактора может быть в большой мере парализовано здоровым детским общением и сплоченностью. Сама жизнь показывает нам, что если товарищеская кружковая среда не терпит скверного душка, то это лучшая гарантия и предохранение от него отдельных сочленов. Обычно такие юные содружники переходят даже в пуританскую крайность и беспощадно гонят даже невинные проявления охорашивания, любезность и т. д. Вся суть в том, чтобы эти кружки обладали какой-либо захватывающей жизненной спайкой, каким-либо объединяющим их культурным, ценным и обязательно живым интересом [1]). Чтобы оценить этот путь и найти путь к нему, вспомним старую прародительницу всех пороков—скуку и праздность; с другой стороны, вдумаемся, что потребность почувствовать жизнь может быть удовлетворена только чувством собственной активности и почина. Как бы идеально не была поставлена школа, она никогда не покроет всех потребностей и выявлений рвущегося на простор жизни юного человека, а малой он уже не удовлетворяется. Таким образом он начинает естественно — и это здоровое явление — искать выхода в товарищеской среде, в кружковщине, в своей маленькой общественности.

И вот здесь мы, с точки зрения здорового полового воспитания, должны вспомнить, как нам важно сохранить комплексность, „разлитость“ полового чувства, его обвеянность, завуалированность массой душевно-духовного порядка и какое незаменимое средство в этом отношении дает нам юная кружков-

[1]) Ср. работу И. С. Симонова — „Школа и половой вопрос“, например, стр. 51 и сл.

щина. Как бы наивными нам ни казались такие юные сообщества, их нужно укреплять и культивировать. Марочники (филателисты), сборщики газет, монет, союзы по защите птиц, животных, природы, жаждущие образования, юные литераторы, радиотелеграфисты и т. д., — все это ценные наши соратники в этом отношении. И слепы те родители и педагоги, которые дразнят таких „марочников" или сборщиков кредитных билетов — старьевщиками и т. п. насмешливыми или обидными кличками. Наоборот, подкрепить детей в сознании, что дело, занимающее их, серьезное и может иметь свое общественное значение. Правильно напоминает И. С. Симонов в своей работе „Половой вопрос и школа": „Следует озаботиться об устройстве литературных кружков, о чтении рефератов, издании ученических журналов и т. п. Словом, надо принять все меры к тому, чтобы постоянно возбуждать и поддерживать в юных людях благородные порывы, чувство дружбы, великодушие, стремление к знанию; широкий общественный и культурный интерес является глубоко оздоровляющим средством". Это в интересной форме подтверждает и анкета Гельмана.

В этом отношении я продолжаю держаться того мнения, подчеркнутого мною в свое время в печати, что детское движение еще не учтено во всем его исключительном коренном значении. Приходится пожалеть, что связанность его с политическим течением прежде и теперь мешает многим и многим разглядеть в нем его подлинные, педагогически необычайно ценные черты. В увлекательной форме, учитывая естественную жгучую потребность в необычном, в природе, в расцвете социальных инстинктов, детское движение ведет юных людей к подвижному сближению с природой и жизнью, погружает их в поток красочных разнообразных впечатлений, дает

выход потребности в собственной деятельности и созидании, чувству товарищества, ощущению своей силы, дает опыт и т. д.

А недостатки? Бесспорно, они есть и долго не исчезнут, но они меркнут на фоне богатых возможностей и осуществляющихся достижений, и эти достижения будут тем выше, чем больше педагоги и общество поймут значение этого фактора и будут помогать ему.

Многих смущало и смущает, что детское движение идет с пышными рыцарскими лозунгами безупречной честности, прямоты, готовности к лучшему, что позже это нередко сменяется противоположными свойствами. Прежде всего это соскальзывание с высот вытекает не из сути детского движения, это можно доказать очень серьезными доводами; детское движение ценно не только тем, что́ оно обещает в будущем, но главное тем, что́ оно дает в области красочных, живых, захватывающих жизнеощущений в настоящем. Именно это и педагогично, именно этого и не хватает многим нашим методам и путям, что мы целимся только в будущее, а пока оставляем неудовлетворенными самые естественные запросы, создаем серьезную пустоту и теряем из-под своего воздействия настоящее. Что же удивительного, если мы в этом случае не достигаем и своих целей в будущем? Дети, прежде всего, должны жить и чувствовать жизнь, а не только готовиться к ней.

И вот здесь мы находим коренного соратника, если детское движение пойдет по тому руслу, которое отвечает его сущности. Оно понесет юным людям увлечение и разряд их сил на интересные и ценные задачи, оно подымет в них дух товарищества, оно укрепит их тело, силы и дух, а с ними и половое чувство, но оно: 1) не даст ему изолироваться в голо-животном виде и 2) оно до поры до времени

зальет его другими увлекательными, яркими интересами и поможет легче в дремоте и идеализации дождаться взрослости. Шлаки же и наросты, с которыми мы встречаемся в действительном проведении детского движения, не опровергают нас, они отпадут сами собой при живом интересе к этому делу. И анкетные данные в отношении влияния общественных интересов и участия в общественной жизни вполне подтверждают здоровое, отвлекающее влияние общественных интересов.

Худшее в половом росте это — тоска, обыденность, серость и одиночество. Социальное окружение несет в отрицательном случае большие опасности, но они не устраняются одиночеством, а только перемещаются; но зато социальная среда, детское товарищество и общение построено на живом действенном интересе, несет с собой определенную, здоровую, благоприятную развитию атмосферу. Все остальные средства в сравнении с этим или сводятся на паллиативы, или должны быть концентрированы вокруг данного пути и координированы с ним. Половой фактор — социален по своей природе и воспитывать его можно, главным образом, социальным путем.

В таком одухотворенном и оживленном интересом общении легче всего будет достигнута отсрочка осознания голого полового чувства и отодвинута возможность сосредоточенности на нем. До некоторой степени прав американский автор Прангль, который в последнем своем труде говорит, что „в одном отношении естественное функционирование половых органов и инстинктов подобно пищеварению: чтобы быть наиболее естественными и здоровыми, они должны привлекать к себе мало внимания". И это вполне понятно: инстинкт сам по себе очень мощный и привлечение внимания к нему детей очень опасно. Чем

меньше интереса к этому фактору будет у детей в период детства, тем лучше. И вот социальное разряжение, общение может дать отвлечение в ту сторону.

12. Воздействие социальной объективной среды.

Все эти начинания и шаги, естественно, переводят нас к более широкому основному фактору всего воспитательного воздействия. Это широкая социальная общая среда.

Наша мысль переходит к взрослым и их поведению в каждом пункте не только потому, что в воспитании путь подражания основной, но и в смысле всей атмосферы, которой дышат дети. Куда должны быть направлены особенно энергичные просветительные натиски, это — среда взрослых. Именно они должны не только перестать разрушать — хотя бы и невольно — то, что удается сделать педагогическому воздействию, но они должны поддержать его, иначе мы будем часто носить воду в решете. Когда находятся родители — отцы, отвечающие на жалобу на скабрезное приставание к девочкам его 13-летнего сына: „Ничего, не полиняют", то ясно, что многие из наших мероприятий будут не только бесполезны, но иногда вредны. Именно им, взрослым, надо особенно пояснить, что гонорея это не „насморк", что многие распутники вскоре получают свое воздаяние в разных формах, в том числе в лице детей — идиотов, уродов, рано умирающих и т. д. Именно перед ними разврат должен предстать как социальное преступление. Надо их научить, чтобы они нашли с детьми подходящий язык в речах о деторождении. Они должны знать, что значит отец или мать пьяница, что значит зарождать детей в пьяном состоянии, что обозначают повтор-

ные аборты у молодой женщины, каких детей она может дать, и много других сведений. Отсюда придет отражение много хорошего в среду детей, ибо их в значительной мере отравляют взрослые.

Мы не думаем сказать, что этот путь — единственный, но для просвещения здесь действительно открывается еще нераспаханное поле. И здесь особенное внимание надо обратить на женщин.

Но это не все, — необходимо пойти дальше. Чтобы определить эти дальнейшие шаги, достаточно взять пару примеров из широкой общественной жизни. Стоит только вспомнить разноголосый и распутный вопль городских плакатов, афиш, уснащенных нередко снимками со сцен убийства, удушения, попыток изнасилования, объятий, любовных поцелуев, измен, обмана и т. д. Остановитесь в большом городе перед плакатами и посмотрите, сколько юных людей будут сопутствовать вам в этом просмотре. Вот кричит со стены афиша о лекции „Проституция в Америке“, а в программе перечисляется ряд наиболее сочных мест, предназначенных привлечь слушателей. А вот рядом „Адъютант Франц-Иосифа“, и на плакате усатый военный держит в своих объятиях молодую женщину, очевидно, впавшую в любовный экстаз; дальше на афише рядом обещают весьма остроумно и весело показать „Национализацию женщин“ и т. д. в том же духе без конца.

Трудно коротко обозреть все формы развращающего влияния широкой взрослой среды, особенно городской, во всем культурном мире. Для примера укажем еще на характер культурных танцев, понемногу вторгающихся в широкие массы. Изобразительность и наслаждение ритмом почти целиком ушли в сферу подчеркнутых половых имитаций, часто совершенно недвусмысленного свойства и скотской

грубости. Оборотная сторона культурной жизни создает повышенную изощренность и в этой сфере. И часто эротизм и сексуальность умеют использовать в своих интересах даже само целомудрие и скромность по их внешнему виду. Форель правильно отмечает, что эротизм, играющий в прятки, действует всего интенсивнее. Но в орбиту его влияния вовлечены дети, потому что он на беду обращен ко всем без разбора.

Когда-то Фихте говорил, что так, как мы живем, мы копим испорченность с каждым поколением и, подобрав испорченность прошлого, добавляем свою долю изобретательности в этом направлении, чтобы обогатить этот отрицательный капитал, передать его для увеличения дальше. Так слагается физическое и духовное вырождение.

Известна остроумная мысль, что „нравственная жизнь — это ответ, который индивид дает на социальный порядок, в котором он живет". Если от нравственности культурного мира теперь перейти к ценности его социального порядка, как их связывает данное положение, то вывод будет далеко не к чести этого порядка. Мы еще не доросли до момента, когда всерьез будет поставлен вопрос, что нельзя так публично отравлять будущее, и что для нестесненной жизни и удовлетворения взрослых, этого их неотъемлемого права, должны будут быть избраны такие пути, которые не будут налагать свою тяжелую руку на самое ценное, — на рост и созревание юных людей.

В этом отношении приходится снова и снова подымать свой голос против „великого немого", против кинематографа, как он применяется теперь. Судебная хроника во всех странах дала уже достаточно богатый и непреложный материал для доказательства, что перед нами настоящий питомник

преступления и разврата. Если книга была счастлива в том отношении, что она родилась в мало подвижную эпоху и не попала целиком в руки торговой эксплоатации, то кинематограф сразу был пущен в ход, как средство наживы и самой беззастенчивой торговли; это естественно повело к погоне за вкусами публики, за сенсацией и чем дальше, тем больше. Каждая кинематографическая витрина со снимками — это поток грубейшего эротизма, зуд к роскоши, позывы к истязанию и т. п. И везде кучи детей и подростков, жадно ждущих возможности попасть. Могучее культурное средство, способное дать глубоко плодотворные плоды, пока что несет развращение в большом всенародном масштабе во всем культурном мире. Пишущий эти строки имел не так давно возможность наблюдать, как тяжело пострадала одна школа I-й ступени от „Гарри Пиль", кинематографической картины, и сколько длительных тяжких усилий и детских собраний потребовалось, чтобы хоть немного, только в некоторой степени уничтожить следы таких детских восприятий, избавиться от оправданных кинематографом героических дебоширств и любовных похождений маленьких людей.

Многое спасает здесь изумительная способность детей высмотреть и вычитать много хорошего даже из прямой и преображенной пинкертоновщины. Нет нужды добавлять, что в этом же направлении идет часто и книжное воздействие. В общем итоге нужно прямо сказать, что в смысле обстановки в современном культурном человечестве пока все делается так, как будто или вокруг нас нет детей, или они забронированы от порчи, или мы поставили себе задачей научить их превзойти нас в распущенности. Фактически все здесь дает богатые стимулы к раннему пробуждению полового чувства. По данным

анкеты Гельмана, охватившей учащуюся молодежь главным образом из рабоче-крестьянской среды, видно, что повод к половым ощущениям впервые получили женский пол в 27%, мужской—в 9,8% из литературы, из кино, из театров. Эти цифры, конечно, опять-таки учитывают только то, что осознано, а сколько неосознанных и часто роковых толчков дано в этом направлении, это можно себе представить.

Что же делать? Вывод ясен: поскольку мы можем, необходимо исключить из детской жизни все явно нечистоплотное, необходимо оградить общественность от уличных сексуальных зазываний, которые к стыду современности звучат иногда с афиш о лекциях, на которых красуются известные имена и т. п.

В основе всех мер, как и только что отмеченной, лежит совершенно бесспорно требование оздоровить среду взрослых, всю общественную среду, иначе вопли о половой испорченности „малых сих“ есть жалкое лицемерие. Без этого мы своей задачи все равно не выполним. Мы должны снова напомнить, что педагогические вопросы это не есть вопросы маленького закоулка жизни; педагог, если он не шульмейстер, всегда до некоторой степени социальный реформатор и социальный философ. И на вопросе о, так называемом, половом воспитании может быть полностью показано, что „хорошо воспитывать это значит хорошо жить“. Именно эта мысль и привела многих передовых педагогов к социализму, к необходимости одолеть хаос и бессмыслицу в ее подоснове с тем, чтобы оздоровить дальше всю общественную атмосферу, — ту среду, в которой вырастают дети, которую они впитывают в себя и от которой мы не можем их изолировать. Вся суть нашей проблемы требует социального

оздоровления, иначе все меры в массовом масштабе останутся паллиативами.

В современном обществе всего культурного мира наблюдается явно лживое положение, когда среда взрослых узаконяет свое право на распущенность, произвол и оголенность в половом отношении, но не хочет помириться и терпеть того, что их дети, являясь их своеобразным барометром, отражают их жизнь.

Рассудок не просто часто пасует перед мощным проявлением полового фактора, но при неблагоприятных условиях он легко может и пойти к нему в услужение и оправдать многое отрицательное. Мы все время твердим, что ни в каком случае не следует наводить детей на размышление о специфическом половом вопросе, а вместе с тем, кроме нас, школы, действует вся общественная среда, и она, нужно сказать прямо, льет пока что в детскую среду яд не ложками, а бочками. Сколько вносит одна площадная брань, которая настолько обиходна в массовой жизни, что ею пересыпаются даже вполне дружеские разговоры и мирная беседа! А, ведь, она вся скверно сексуальна. Дети иногда даже не ограждены от лицезрения половых сношений, тем более половых приставаний и т. д. А меж тем в культурном мире продолжают жить в обстановке, где господствует обычное право победителя и господина на „деньги, вино и женщин"; видные деятели быстро обзаводятся любовницами и становятся предметом скандального интереса и сплетен и скабрезных анекдотов не только для взрослых, но и для детей. В свое время кассовским скандалом в ресторане „Медведь" наслаждались едва ли не больше всех гимназисты. На романические похождения педагогов сочиняются целые комические оперы, поль-

зующиеся большой популярностью. Современное культурное общество, даже прикрывая свою наготу, умудрилось увеличить эротизм с помощью формы и стиля одежды. Таких сторон всех не перечислить, да в этом и нет нужды.

В сущности самая крайняя обостренность вопроса о половом воспитании есть характерный симптом ненормального состояния современного общества, в здоровой организованной и нормально живущей среде он был бы задачей среди других задач в педагогике. И там, где педагогическая работа должна дать теперь хотя бы некоторые плоды, нужно взяться со всей энергией за взрослых, за их просвещение, — не за моральную пропаганду только, а за то, чтобы открыть глаза отцам и матерям, действительным и кандидатам, что ждет их, если они не поймут, что значительная доля зла лежит в них, как в своей причине, что беспутная среда имеет все шансы получить на свою шею соответствующих детей. Конечно, для педагога это не должно обозначать отказа от других воспитательных мер, в особенности от организации самой детской среды и ее психики, но здесь для него, как и для массового врача, открывается благодарное поле действительного культуртрегерства, способного дать богатые плоды. Здесь правильное осведомление и просвещение особенно нужно во всенародном масштабе. Там, где среда взрослых поймет правильно следствия этой стороны своей жизни и свои обязанности перед детьми, как перед настоящим и будущим обществом, там будет в естественной форме заложен прочный фундамент для нормального воспитания детей и в этом отношении.

Таков наш вывод. В заключение еще раз подчеркнем основную мысль нашей работы, что, по-

скольку речь идет о детях и подростках, наиболее правильное решение это — практически растворить проблему полового воспитания в проблеме общего воспитания: отдельно она должна быть только в сознании педагога, подчеркнуть в ней больше культурно-социальную сторону, чем естественно — медицинскую, которую мы тем не менее тоже не устраняем совсем.

Московское Акционерное Издательское Общество

Москва, М. Дмитровка, 8. ◻ Ленинград, ул. Жуковского, 12.

ПОСЛЕДНИЕ НОВИНКИ:

А. ГЕТТНЕР.

СТРАНОВЕДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Перев. под ред. проф. Г.Г. Шенберга.

Цена 2 р. 50 к.

Н. Е. БОБИНА.

По республикам Советов

2-е переработанное издание под ред. С. П. Бобина.

Цена 2 руб.

Г. И. ЧЕЛПАНОВ.

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГИИ

Цена 2 руб.

Д-р А. ЛАИ.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Перевод проф. А. А. Грушко.

(Печ.).

А. В. МИРТОВ.

Уменье говорить публично

Издание 2-е, дополненное.

Цена 50 коп.

Б. ЖАДОВСКИЙ.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД И ДАЛЬТОНСКИЙ ЛАБОРАТОРНЫЙ ПЛАН.

Цена 60 коп.

Проф. А. П. БОЛТУНОВ.

ТРУДОВАЯ ШКОЛА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Издание 2-е, перераб. и дополн.

Цена 1 р. 25 к.

Проф. А. П. БОЛТУНОВ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕБЕНКА

Цена 1 р. 50 к.

Цена 80 коп. 4951

Московское Акционерное Издательское Общество

Москва, М. Дмитровка, 8. ◻ Ленинград, ул. Жуковского, 12.

„БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГА“

под редакцией **Н. Н. ИОРДАНСКОГО.**

Вышли из печати:

1. Клубная и кружковая работа в школе. Ц. 1 р.
2. Экскурсии в трудовой школе. Ц. 1 р.
3. Газета в школе, как учебное средство (чтение газет, стенная газета, живая газета, своя газета). Ц. 70 к.
4. От самоорганизации к самоуправлению. Ц. 70 к.
5. Школьные выставки. Ц. 60 к.
6. Свободные сочинения и детское творчество в программах ГУС'а. Ц. 80 к.
7. Практика учета школьной работы. Ц. 60 к.
8. Связь и общение между школами. Ц. 60 к.
9. Самодеятельность учащихся в трудовой школе. Ц. 60 к.
10. Кооперация в школе. Ц. 1 р.
11. Школьные спектакли и инсценировки.
12. Труд и трудовые процессы в школе.
13. Комсомол и пионеры в школе.
14. Санитарно-гигиеническая работа в школе.
15. Общественно-производительный труд детей вне школы.
16. Школьные праздники в массовой школе.
17. Практика Дальтон-плана в школе I ст.

Готовятся к печати:

18. Школьные дневники.
19. Учебно-вспомогательные учреждения в массовой школе.
20. Коллективизм и индивидуальность в работе детей.
21. Учебники и учебные пособия в массовой школе.
22. Физкультура в школе и всеобуч.
23. Краеведение в школе.
24. Сельско-хозяйственная практика в массовой школе.
25. Летняя школа.
26. Работа учителя в деревне.
27. Учитель в детской общине.
28. Библиотека массового учителя (краткий обзор литературы).
29. Книга и библиотека в трудовой школе.
30. Местный контроль школы и инструктора.